

Даниил Семенович Галкин В тени сталинских высоток. Исповедь архитектора

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12109122

*Д. С. Галкин. В тени сталинских высоток. Исповедь архитектора: Грифон; Москва; 2015
ISBN 978-5-98862-233-8*

Аннотация

Это уникальная книга уникального человека: она охватывает огромный отрезок времени отечественной истории, начиная с 1930-х годов до первого десятилетия XXI века. Люди, события, страны и континенты представлены сквозь призму восприятия профессионального архитектора.

Мастера архитектуры Иван Жолтовский, Борис Иофан и Каро Алабян, блистательные актрисы Клара Лучко, Любовь Орлова и Людмила Целиковская, путешественники Зикмунд и Ганзелка, политики и государственные деятели Алексей Косыгин, Николай Подгорный, Петр Машеров, Гейдар Алиев и Екатерина Фурцева, Иосип Броз Тито, а также другие деятели XX века оживают на страницах мемуаров Д. С. Галкина, заслуженного архитектора Российской Федерации, лауреата премий Совета министров СССР. Нашла отражение в книге и «украинская тема» 1930–1940-х годов.

Тонкая наблюдательность, юмор, богатый жизненный опыт позволяют автору создать увлекательное повествование, которое будет интересно всем, кому довелось жить в непростую эпоху перемен и задумываться над происходящим в стране и мире.

Содержание

На перепутье веков. К читателю	5
Часть I. Истоки	6
Провинциальные этюды тридцатых годов	8
Полтавские зарисовки	10
Дедушкина борода	12
Удар судьбы	14
Появление сестры	16
Школьный шалопай и стихоплет	19
«Визит» в Архимандритский сад	24
Арест отца	26
Клара Лучко – будущая звезда	28
Мой «греческий» зал	30
Наталка-Полтавка	34
Июнь 41-го...	38
В зоне боевых действий	42
Через калмыцкие степи на Урал	46
Село Красные Орлы	52
Будни уральской вагранки	56
Таежная глубинка	60
Туринск, Ирбит, Тавда	63
Возвращение в Красные Орлы	66
Прерванный полет в вуз	70
Сменив отца, ушедшего на фронт...	74
Возвращение в Полтаву	79
Адъютант товарища подполковника	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Даниил Галкин

В тени сталинских высоток.

Исповедь архитектора

Примечания и комментарии Д. Н. Бакуна и С. Д. Галкина

© Галкин Д. С., 2015

* * *

Светлой памяти моих родителей, жены Дориты, близких родственников, выдающихся учителей, коллег и друзей по архитектурному поприщу

...архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она хоть отрывками является среди наших городов в таком виде, в каком она была... чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни... и вызывала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения.

Н. В. Гоголь

Архитектура – это азбука гигантов, величайшая система видимых символов, когда-либо созданная.

Гилберт Честертон

Архитектура – выразительница нравов.

Оноре де Бальзак

На перепутье веков. К читателю

Зодчество было главной летописью человечества.
Виктор Гюго

Шесть десятилетий в стремительном потоке событий – мой увлекательный, но ухаби́стый путь на архитектурном поприще. В среднем он равновелик человеческой жизни от рождения до выхода на пенсию. Эти десятилетия охватывают большую часть XX и начало XXI века. На рубеже двух столетий мы стали свидетелями драматических событий глобального масштаба. Весь мир изменился до неузнаваемости. Огромный скачок совершила за это время и архитектура.

С доисторических времен человечество укрывалось от воздействий природы в искусственной среде обитания. Поэтому мне думается, что архитектура – один из древнейших видов человеческой деятельности. В бесконечных творениях самых разных стилей она, как застывшая музыка в камне, стала летописью культурных эпох. Опираясь на трех китов – науку, технику и искусство, архитектура наглядно обозначает путь цивилизации от ее истоков до сегодняшних дней.

Итак, что заставило меня взяться за перо? По возрастным параметрам я отношусь к категории детей войны, «последних из могикан». Большая часть сознательной и творческой жизни моего поколения совпала с советским периодом российской истории. Наш менталитет формировался в атмосфере жесткого идеологического прессинга. Это, конечно, сказывалось и на профессиональной деятельности архитекторов. Но, несмотря на все препоны, жизнь шла вперед. В «сводном оркестре» исполнителей жизненной симфонии одна из первых скрипок, по справедливости, принадлежит относительно небольшому архитектурному содружеству. Многоступенчатый творческий процесс проектирования зданий и сооружений – от первых замыслов до осуществления – незаслуженно мало отражен в огромном потоке исторической литературы. Это и стало одной из причин, подтолкнувших меня к написанию мемуаров – рискованному, быть может, безрассудному порыву.

Вместе с тем, на мой взгляд, книга о самой созидательной сфере деятельности человека на Земле заслуживает того, чтобы ее прочитали. На страницах этой книги моя творческая жизнь в архитектуре переплетена с наиболее интересными событиями, которые неразрывно связаны с образами самых дорогих и близких людей – ушедших и ныне здравствующих.

На старте работы над книгой меня одолевали неизбежные сомнения. Ведь написать мемуары – как еще раз прожить целую жизнь! Но генеральный директор издательства «Грифон» Е. Э. Будыгина одобрила идею книги и помогла моему замыслу воплотиться в реальность.

Потребовалось почти два года напряженного труда для «рождения» рукописи книги. Это стало возможным благодаря бесценной помощи и большому опыту «литературного дирижирования» главного редактора издательства Д. Н. Бакуна, который с филигранным тактом и терпением опекал автора книги, предлагаемой на суд читателей. Особая благодарность – моему сыну Семену, который взял на себя труд вычитать готовый текст и внести в него необходимые поправки и уточнения.

Так что если эта книга будет прочитана моими родными и самыми близкими людьми, друзьями, а также теми, кого интересуют увлекательные задачи современного зодчества, – я буду безмерно счастлив!!

Часть I. Истоки

*Как утешительно-тиха
И как улыбчиво-лукава
В лугов зеленые меха
Лицом склоненная Полтава.
Как одеяния чисты,
Как ясен свет, как звон негулок,
Как вся для медленных прогулок,
А не для бешеной езды.
Здесь божья слава сердцу зрима.
Я с ветром вею, с Ворсклой льюсь.
Отсюда Гоголь видел Русь,
А уж потом смотрел из Рима...*

Борис Чичибабин

Провинциальные этюды тридцатых годов

Особенности формирования моего юношеского мировоззрения сыграли немалую роль в мечте стать в будущем непременно архитектором. До начала Великой Отечественной войны мои родители проживали в Полтаве. Это был старинный город, в котором чудом сохранился колорит и провинциальный уклад малороссийской губернии. Он утопал в зелени ухоженных парков и фруктовых садов.

В теплые вечера жинки (женщины) за лузганьем семечек оживленно обсуждали «бытовуху». При этом не обходилось без перемывания чьих-то косточек. Часто пели задушевные украинские песни. Чоловики (мужчины) обособленно играли в домино или карты. Кто посерьезнее – в шашки или шахматы. Как ни странно, при обилии на Украине горилки и самогона откровенное пьянство было не в моде.

По воскресеньям центральная улица города – Октябрьская – заполнялась прогуливающимися взад и вперед людьми. Правая по отношению к Круглой площади и Корпусному саду сторона улицы по каким-то необъяснимым традициям заполнялась солидной взрослой публикой и семейными парами. Они, как правило, двигались не спеша и часто останавливались при встречах со знакомыми. Существовала забавная традиция у многих обывателей мужского пола. При прощании из неглубокого кармашка брюк извлекались небрежным жестом массивные часы на цепочке. Поглядывая на их движущиеся стрелки, горожане церемонно раскланивались. В скудных условиях довоенной жизни даже наличие карманных часов как бы поднимало человека на более высокую ступень.

Противоположная сторона центральной улицы в воскресенье также заполнялась гуляющими. В основном это была жизнерадостная молодежь, полная светлых надежд. Почему-то за взрослой стороной улицы закрепилось название «Пижон-стрит», за молодежной стороной – «Гапкен-штрассе»¹. Горожане всех возрастов заполняли танцевальные площадки парков, где кружились в модных ритмах того времени – танго, фокстрота, вальса. Их задушевные мелодии до сих пор вызывают у меня чувство щемящей ностальгии...

Массовым местом общения горожан были традиционные ярмарки. Сенная площадь и пустырь на Подоле заполнялись бесчисленными крестьянскими телегами. Красочно выглядели продавцы с запорожскими усами и в расшитых национальных одеждах. Им не уступали дородные жинки и стройные Наталки-Полтавки². Ржание лошадей, мычание волов, пение петухов, кудахтанье кур вперемешку с азартным голосовым фоном торгующихся – все это сливалось в непередаваемую какофонию и колорит украинской ярмарки.

Запомнился забавный способ качественной оценки живых кур. Покупательницы усиленно раздували перья вокруг задней части и, после тщательного осмотра, начинали торговаться. Мне нравилось помогать маме в процессе раздувания куриных перьев. Иногда я делал это из озорства, шатаясь с мальчишками по ярмарке, за что получал ощутимые пинки от продавцов. Устрашающе выглядело шествие с ярмарки покупателей, держащих в руках вниз головой бьющихся в истерике кур...

---

¹ По воспоминаниям жителей Одессы, похожее разделение гуляющих на главной улице бытовало и в этом южном городе. По левой стороне Дерибасовской («Денди-стрит») гуляла «сармачная» публика: бизнесмены, профессура, чиновники, а по правой – студенты ремесленных училищ, рабочие, прислуга. Считается, что «Гапкен-штрассе» берет начало от слова «гапка», которое в «одесском языке» – синоним слова «прислуга». Слово «гапка» употребляли на страницах своих произведений Катаев, Жаботинский и другие писатели. Оно восходит к имени служанки (Гапка) у Н. В. Гоголя («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» из миргородского цикла). Иногда одесситы, гулявшие по правой стороне Дерибасовской, называли противоположную сторону «Пижон-стрит». Улица была предшественницей современных тусовок, где демонстрируют свои достижения в области приобретения дорогостоящих нарядов и драгоценностей. Аналогично и в Херсоне стороны центральной улицы назывались «Гапкен-штрассе» и «Штмип-стрит».

² Наталка-Полтавка – главная героиня одноименной пьесы И. П. Котляревского.

Кстати, спустя много лет на далеком острове Маврикий в Индийском океане я увидел аналогичную картину покупки кур. В небольшом городке аборигены процветали за счет их разведения. На местном рынке куры продавались живьем. На соседние острова экспортировались в разделанном виде. Любимым лакомством считались их треугольные части. Городок назывался Курепипе³. В его центре из сплетений металлических кур была даже возведена высокая стена.

Запомнился забавный случай, тоже связанный с курицей. Когда моя сестра появилась на свет, несколько дней я находился на попечении одной из тетушек. Она готовила на кухне наваристый куриный бульон. Я, томясь от безделья, вертелся вокруг. Куриную голову с гробешком – мое любимое лакомство, – к моему огорчению, тетя выбросила в помойное ведро. Воспользовавшись ее коротким отсутствием, я извлек куриную голову и погрузил в кипящий бульон.

Когда с работы пришел ее муж – дядя Боря, мы уселись за стол. Тетушка лихо заполнила ароматным бульоном большую тарелку главы семьи. Поставила на стол. Но – о, ужас! Из тарелки торчала сваренная куриная голова с дико выпученными глазами, раскрытым клювом и остатками оперения. Уронив половник, тетушка испуганно взвизгнула. Дядя с ходу влепил мне крепкую пощечину. Выскочив из-за стола, я пустился в бегство. Ближе к вечеру явился с повинной и обещанием не производить впредь подобных кулинарных опытов. А большую кастрюлю отличного бульона тетушка все-таки вылила в помойку.

В те времена на Украине еще сохранялись вековые традиции гостеприимства. Гостей всегда встречали вкуснейшими галушками, варениками с вишней, политыми густой сметаной, неповторимым украинским борщом, салом, таявшим во рту, и другой обильной едой. Не случайно в начале XXI века на «незалежной» Украине возвели памятник полтавским галушкам⁴. Его оригинальная композиция говорит сама за себя: огромная круглая чаша с галушками и гигантская ложка. По традиции фотографироваться следует усевшись именно в ложку. Даже самые крупные габариты пятых точек позволяют это сделать. Этот необычный памятник отлично характеризует любовь жителей Украины к обильной еде. Существует даже анекдот. Истинный абориген, садясь за стол, спрашивает, где его большая ложка. А завершив трапезу, тяжело дыша, с грустью говорит: «Трохи наївся» («Немного наелся»).

---

³ Правильнее «Кюрпип» (фр. Сигеріпе). Этимология названия спорная, но забавные для русского уха ассоциации с любимой «куриной частью» аборигенов, разумеется, случайны.

⁴ Памятник полтавской галушке был воздвигнут в Полтаве в 2006 г. Он находится на Ивановой горе, в исторической части Полтавы. Торжественное открытие памятника состоялось 1 апреля 2006 г. и совпало с Днем смеха и днем рождения Н. В. Гоголя – большого любителя галушек.

Полтавские зарисовки

Спустя десятилетия, много раз навещая родной город, я уже смотрел на него профессиональным взглядом архитектора и видел объемно-пространственную среду обитания, формировавшуюся на протяжении многих исторических эпох. Регулярная планировка центральной части города отдаленно напоминает трехлучевую систему Санкт-Петербурга. Центральная Октябрьская улица в качестве главной продольной оси города начиналась от Киевского вокзала и завершалась у Соборной площади колокольной Успенского собора. Эта ось проходит через круглую площадь с величественной колонной Славы, воздвигнутой в честь 100-летия Полтавской битвы. Невский проспект в Северной столице начинается от Московского вокзала и, как главная магистраль города, ориентирован на Адмиралтейскую иглу, на которой сходятся также два диагональных луча. В Полтаве же почти параллельно главной оси проходят две транспортные улицы. Одна из них, улица Ленина, связывает центр с Южным вокзалом. Другая, улица Парижской Коммуны, берет начало от Соборной площади и завершается у Круглой площади. Не зря в XIX веке Полтава слыла «малым Петербургом»: ее регулярная структура была задумана зодчими А. Д. Захаровым (автором перестройки Адмиралтейства в 1806–1823 годах) и М. А. Амвросимовым. Оба были петербуржцами.

В городе с 1100-летней историей сохранилось немало старых построек. Часть из них была восстановлена после разрушительной войны. Наибольшее впечатление производит комплексная застройка двух- и трехэтажными белокаменными зданиями в классическом стиле по внешнему периметру Круглой площади. До революции в них размещались губернские присутственные места, Дворянское собрание, кадетское училище, генерал-губернаторские покои. В советский период – областные учреждения.

В геометрическом центре комплекса возведена колонна Славы⁵. Это детище зодчего Ж. Тома де Томона и скульптора Ф. Ф. Щедрина в годы Великой Отечественной войны сохранили даже немецкие оккупанты. Тома де Томон прославился также как автор Стрелки Васильевского острова.

Завораживают своим оригинальным и красочным решением здания Краеведческого музея и бывшего Крестьянского банка. Музей имеет сложную, пластичную объемно-пространственную композицию. Здание обильно украшено полихромными орнаментами и росписями. Его обычно упоминают в числе самых известных памятников украинского модерна. Незадолго до войны в нем открылась большая фотовыставка «Кращі діти міста» («Лучшие дети города»). Моя трехлетняя сестра попала в объектив фотографа, и мама с гордостью приглашала знакомых посетить выставку, где на видном месте красовалась ее дочурка.

Напротив музея на границе Петровского парка высится уникальный памятник Тарасу Шевченко. Он высечен в авангардистском стиле, из монолитной гранитной глыбы. Внешне памятник напоминает степной курган, из которого вырастает грубоватая фигура Кобзаря.

Здание бывшего Крестьянского банка выполнено в стиле русского модерна. На общем оранжево-красном фоне стены прекрасно выделяются светло-серые скульптуры крылатых сирен и яркие орнаменты в духе врубелевской символики. Монументальный скульптурный портал углового главного входа имеет стрельчатое завершение.

---

⁵ Об основной идее монументального сооружения, построенного в июне 1811 г., Тома де Томон писал: «Так как колонна является триумфальным памятником, воздвигнутым в память Петра Великого, в честь самого памятного и решительного события его царствования, то я старался дать всей этой композиции характер оригинальный и, так сказать, присущий герою и его творчеству. С этой целью я прибегнул к аллегориям простым, но точным и ясным. Колонна из железа в четыре куса, и, чтобы скрыть их соединение, каждый шов закрыт венком; первый из лавра и пальм, второй из лавра, а третий из дубовых листьев. Промежутки между венками заполнены изображениями перекрещенного оружия. Капитель образована из больших пальмовых листьев. Наверху возвышается цоколь, увенчанный полусферой. Над полусферой распростер свои крылья орел, держащий в когтях молнии войны, а в клюве лавровый венок...»

Самая высокая точка центральной части города за Соборной площадью круто обрывается вниз. На самом краю горы – две достопримечательности: Белая беседка и Дом-музей писателя Ивана Котляревского⁶. Его именем и была названа гора. С нее открывалась захватывающая панорама на Крестовоздвиженский монастырь с позолоченными куполами церквей, а также Подол с извилистой Ворсклой и уютными селами. Их белоснежные мазанки проглядывали сквозь зелень садов. Существует поверье, что на месте Белой беседки Петр I на коне наблюдал за маневрами своего войска перед сражением со шведами. При быстром и крутом спуске вниз, на Подол, конь якобы потерял подкову. Ее форма и стала основой композиции Белой беседки. Есть также легенда, связанная с названием реки, пересекающей Подол: соратник царя, А. Д. Меншиков, якобы смотрел в сторону движущихся войск. Случайно он уронил драгоценную подзорную трубу в реку. Тяжелый предмет моментально погрузился в илистое дно. Расстроенный и разгневанный Меншиков приказал отныне коварную реку назвать Ворскла – «вор стекла (скла)». На самом деле название реки известно с давних пор и упоминается в Ипатьевской летописи.

Самая старая улица города до революции называлась Дворянской. В советские годы ее переименовали в честь Парижской коммуны. Ближе к ее завершению у Сенной площади приютился невзрачный, облупившийся двухэтажный каменный дом с цокольным полуподпольем. В нем прошла часть моей юности, прерванная войной. В те годы, помимо зарождающегося интереса к архитектуре, я пытался сочинять стихи и даже прозу. Этому способствовала солидная библиотека, доставшаяся нам в наследство. Я жадно, в ущерб учебе в школе, буквально проглатывал и почти выучил наизусть произведения многих великих беллетристов. Это были прекрасно иллюстрированные дореволюционные издания Сытина, Маркса, Брокгауза – Ефрона... Юношеская фантазия переносила меня в далекие экзотические страны, ярко описанные в книгах Луи Буссенара, Луи Жаколио, Густава Эмара, Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна и других авторов. Мог ли я тогда предполагать, что спустя десятилетия беспокойная судьба забросит меня наяву в страны несбыточной мечты? Пока же мой реальный мир был ограничен Полтавой, с редкими выездами с родителями в Харьков, Кременчуг, а также в небольшие городки и села малороссийской губернии – погостить к родственникам.

Почти всю сознательную жизнь я записывал и по возможности сохранял свои стихотворные опыты. Вот один из первых, в котором я как бы пытаюсь оправдать свою неуправляемость:

Мой возраст драчуна и хулигана
В родной Полтаве быстро пролетел.
Кто в молодости не был без изъяна,
Постигнуть ее прелесть не успел.

---

⁶ Котляревский Иван Петрович (1769–1838) – украинский писатель, один из идеологов Просвещения на Украине, известный знаменитой поэмой-бурлеском на сюжет одноименной поэмы римского поэта Вергилия «Энеида», первого художественного произведения на разговорном украинском языке того времени.

Дедушкина борода

Летом родители, как правило, отправляли меня в колыбель моего рождения и детства – уютный город Кременчуг. Там, в маленьком и неказистом, но уютном домике недалеко от Днепра, проживали, а вернее, доживали свой век дедушка с бабушкой со стороны мамы. Для меня это было лучшее время в жизни. С дворовыми мальчишками я с утра до вечера пропадал на Днепре. Плавать я научился очень рано и любил с безрассудной удалью заплывать далеко. Меня неоднократно спасал великовозрастный Тарас, который служил спасателем на пляже. Спустя годы я узнал, что бабушка из своих скудных средств подбрасывала ему деньги, чтобы он не спускал с меня глаз во время купания.

Ближе к вечеру, с мальчишеской ватагой, я возвращался в скромное опрятное жилище, где бабушка уже с нетерпением меня ожидала. Я жадно набрасывался на вкуснейшую еду, умудряясь заплетающимся языком хвастаться, как баттерфляем или брассом чуть ли не переплывал Днепр. Но злой Тарас грубо возвращал меня на пляж, где больно шлепал по пятой точке и давал как следует в ухо. Мудрая добрая бабушка делала вид, что сочувствует мне, но резюме было всегда одно и то же:

– Прошу тебя, не заплывай далеко. Это опасно. Слушайся Тараса, он ведь старше, сильнее и опытнее.

Она не добавляла, что он еще и умнее. Чтобы не обидеть меня, эту непреложную истину она оставляла в своих мыслях. Дедушка к моему возвращению с Днепра обычно был уже на работе. Несмотря на возраст, он подрабатывал в качестве ночного сторожа. До этого служил многие годы закройщиком на фабрике одежды. Помню, в более зрелом возрасте я со знакомой девушкой попал на просмотр популярного фильма «Закройщик из Торжка»⁷. Его гениально сыграл Игорь Ильинский. После просмотра фильма с легкой грустью о безвозвратном прошлом я сказал ей, что мой дедушка тоже был закройщик, только из Кременчуга.

Началом зарождения самокритичного отношения к себе я считаю осознание одного неблагоприятного и по-своему жестокого поступка. Мой дедушка в течение многих лет отращивал бороду, которую очень холил и постоянно поглаживал. Она была невероятно пышной, отливала шелковистой белизной и свисала чуть ли не до колен. После ночных дежурств дедушка отсыпался в кресле-качалке, запрокинув голову. Его борода в такт дыханию то поднималась, то опускалась. Невозможно объяснить почему, но она не давала мне покоя. Какой-то недобрый внутренний голос нашептывал, что с бородой дедушки я должен что-то сотворить. И случай такой представился.

В один из дней бабушка не пустила меня на Днепр из-за легкой простуды от неумеренно долгих купаний. Я злился, завидуя мальчишкам, которые в это время барахтались в теплых водах Днепра. Когда бабушка ушла на рынок, дедушка, по обыкновению, мирно посапывал в кресле-качалке. Пакостная мысль, как игла, вонзилась в перенасыщенную фантастическими бреднями голову. Ловко, чтобы не разбудить дедушку, я заплел бороду в косичку и крепко привязал ее конец к ручке входной двери. Затем в открытое окно комнаты вылез на пустырь и спрятался в огромных лопухах в ожидании дальнейших событий.

Когда синхронно с дверью стала дергаться голова дедушки, стало ясно, что бабушка вернулась с рынка. Не сразу ей удалось протиснуться в полуоткрытую дверь и освободить бороду дедушки. Потом они уселись рядом на старый диван и заплакали, тихо и беззащитно. Картина содеянного впервые потрясла меня небывалым чувством вины. С громкими воплями, что утоплюсь, чтобы искупить свою вину, я помчался в сторону Днепра.

---

⁷ Фильм Якова Протазанова 1925 г.

Решение было твердое. Окунувшись с головой, несмотря на простуду и запрет купаться, в последний раз я вынырнул, чтобы попрощаться навсегда с жизнью... но, оглянувшись вокруг, как никогда ощутил земную красоту. И решил все-таки немного повременить. Ведь утонуться я всегда успею! Забравшись под какой-то навес, незаметно задремал. Разбудили меня громкие крики: в толпе людей я увидел дедушку с бабушкой. Напуганные моими воплями, они со всей округой бросились на поиски предполагаемого утопленника. Прижавшись к дедушке, я заплакал. Он погладил меня по густой мальчишеской шевелюре. Пожурив слегка, посоветовал на будущее лучше заплетать косички у девочек, а его бороду оставить в покое.

На следующий день я решил изобразить дедушку, чтобы хоть немного искупить свою вину. Все получилось вполне реалистично. Только «художник» немного перестарался с бородой. Она на рисунке выглядела еще пышнее и длиннее, чем в жизни. Тогда я не знал, что существует Книга рекордов Гиннеса. Наверное, в ней дедушка мог бы претендовать на победу в номинации «обладатель самой большой бороды». Если не на Украине, то в Кременчуге уж точно! Доморощенный рисунок был повешен на стену. Сбоку я поместил короткий стишок:

Ты гордишься предлиннящей бородой,
Белоснежной, удивительно густой...
Извини, дедуленька, прости,
Что в косу ее пытался заплести.

Удар судьбы

Вторую часть лета после возвращения из Кременчуга я проводил дома или в пионерском лагере. Но чаще дома. Из лагеря меня часто досрочно отправляли домой из-за плохого поведения. Самым большим (и довольно опасным) развлечением в долгие летние дни были «каштановые» войны между противоборствующими группами мальчишек. Одна из схваток закончилась для меня трагически. Каштан или камень из рогатки угодил мне в правый глаз. Бедные родители, бросив все дела, отвезли меня в глазную клинику в Харькове. Операцию делал известный офтальмолог профессор Медведев. Она прошла успешно, но зрение в правом глазу ухудшилось.

Другим развлечением в промежутке между «каштановыми войнами» было соревнование в ловкости: надо было взобраться на макушку памятника отдыху царя. На его месте в давние времена стояла казацкая хата. В ней Петр I пировал и почивал после победы над шведами. Это событие изобразил Пушкин в поэме «Полтава»:

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его,
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего...

Не имеющий аналогов памятник отдыху царя был осуществлен по замыслу архитектора и художника А. П. Брюллова⁸. К сожалению, отсутствие уважения к историческим святыням сказалось на его состоянии. Металлическое тело памятника было испещрено варварскими автографами и царапинами. Чувство вины за сопричастность к этому я выразил в более зрелом возрасте:

Ватагой хулиганской облепили
Мы памятник великому Петру.
Будь жив, за нашу дурь, что наследили,
Он оторвал бы каждому башку.

Возможно, отрывать башки сопливым мальчишкам Петр бы не стал, а вот своей знаменитой тростью наверняка крепко бы проучил шалунов!

Недалеко от памятника отдыху царя находился еще один объект пристального внимания мальчишеской ватаги – самая древняя на Полтавщине одноглавая Спасская церковь⁹. В те годы борьба с религией стала частью государственной политики. Воинственно настроенные безбожники и несмышленная молодежь стремились поскорее разрушить как можно больше «культовых построек». Белоснежные плоскости стен Спасской церкви покрывали шрамы от сбитой штукатурки – результат самовыражения современных варваров. Непристойные надписи дополняли эту безрадостную картину. Трудно было поверить, что менее ста лет назад ветхая церковь была восстановлена за счет сбора народных средств по призыву царя Александра II и поэта Жуковского... Нас же привлекала возможность проникнуть внутрь через отверстия в изуродованных оконных проемах, а затем в подzemелье. Мы мечтали о вознаграждении за сдачу ценных находок в местный краеведческий музей или об их

---

⁸ Брюллов Александр Павлович – старший брат не менее известного К. Брюллова, автора картины «Последний день Помпеи».

⁹ 28 июня 1709 г. при участии Петра I там прошло торжественное богослужение по случаю победы над шведами.

продаже с рук. И заранее предвкушали, сколько разных сладостей сумеем купить на вырученные деньги. Но, как правило, сладкие мечты не осуществлялись. Завалы, мрак и мистические звуки внутри нас отпугивали.

Ходили также легенды, одна страшнее другой, о переплетениях под всем городом бесчисленных подземелий и катакомб. Но доступ в них был под жесточайшим запретом.

Еще оставались летние развлечения в виде налетов на фруктовый Архимандритский сад и арбузные бахчи в пригороде Свинковка. Купание в быстротечной Ворскле совмещалось с вылавливанием ужей на ее заболоченных участках. Любимым развлечением были походы на таинственную монастырскую гору, окруженную высокой железнодорожной насыпью и большим городским кладбищем.

Лето и вольная жизнь во время каникул пролетали быстро. Для всех родителей началась лихорадочная пора поисков дефицитной школьной одежды, обуви, а также учебников, тетрадей и прочей атрибутики.

Мои первые школьные годы совпали со страшным Голодомором¹⁰, который охватил богатейшую по продовольственным возможностям Украину. В памяти навсегда отпечатались жуткие картины безысходной массовой трагедии голодающего населения. Ошалевший город был наполнен слухами о многочисленных случаях людоедства. Люди съедали все, что переваривал желудок. Растения и травы, которыми так богат украинский чернозем, превращались в эрзац-салаты. Самой «деликатесной» едой была «макуха» – брикеты жмыха подсолнечника.

Голодные годы ощутимо повлияли на мой характер и привычки. На всю жизнь выработалось подсознательное стремление ограничивать разумными пределами свои желания и слабости.

---

¹⁰ Голодомор на Украине – массовый голод, охвативший в 1932–1933 гг. всю территорию Украинской ССР и повлекший значительные человеческие жертвы. Считается, что главной причиной Голодомора была целенаправленная политика большевистского руководства Украины (конфискация большей части запасов продовольствия, в том числе зерна). Другими причинами называют: 1) повторный значительный неурожай из-за засухи в СССР и УССР (1930–1934 гг.); 2) коллективизацию и ее последствия. В России аналогичная ситуация несколько раз складывалась в разных регионах, особенно страшно – в Поволжье (1920-е и 1930-е гг.).

Появление сестры

Трагизм и тяжесть тех лет смягчались теплой атмосферой в семье и родительской любовью. Отец был необычайно мягким и добрым человеком, несмотря на внешнюю сдержанность и немногословность. Он, его средний брат и сестра на момент моего рождения представляли остаток некогда большой семьи. Ее глава, мой дед, был до революции владельцем небольшого букинистического магазина. От него нам в наследство и досталась внушительная библиотека, которую я читал и перечитывал от корки до корки. Из пяти братьев трое погибли в годы Гражданской войны. Отец добровольцем вступил в Красную армию. К счастью, остался жив. Он обладал красивым баритоном и отменным слухом. Дома, после работы, поужинав, он садился на большой диван, отчитывался маме о событиях истекшего трудового дня. Затем перечитывал газету «Зірка (Звезда. – Д. Г.) Полтавщини». Как бы «под занавес», перед сном, он успевал тихо напеть какую-нибудь любимую мелодию.

Стержнем маленькой семьи всегда оставалась мама. У нее был цельный, твердый, неподкупный характер. Она никогда не кривила душой. Чтобы пополнить скудный семейный бюджет, в промежутке между хозяйственными заботами она шила и перешивала женскую одежду на машинке известной фирмы «Зингер». Обладая хорошим вкусом, мама украшала интерьер нашего однокомнатного жилища в коммуналке красивыми занавесками и покрывалами. Я дополнял создаваемый ею провинциальный уют своими рисунками, которые развешивались в простенках между окнами в несколько рядов.

С рождением сестренки, которую нарекли Яной, в семье исчезли свободные просветы даже в выходные дни. Еще острее ощущалась бытовая неустроенность. Увеличилась потребность в воде. Ее жильцы дома таскали в оцинкованных ведрах из общей колонки, расположенной довольно далеко. Особые неудобства вызывало отсутствие цивилизованных отхожих мест. Наш дом размещался в жилом районе недалеко от центра города. Рукой подать было до Соборной площади, Спасской церкви, памятника отдыха царя. Тем не менее канализация отсутствовала не только в нашем квартале, но и в других густонаселенных районах города. Отхожее место в виде примитивного дощатого сооружения «сортирного зодчества» над огромной выгребной ямой размещалось в укромном углу большого двора. Зона смешения специфических запахов с чистейшим полтавским воздухом была постоянна, хотя меняла границы в зависимости от направления и силы ветра.

Периодически ассенизаторы, гордо восседая на специальных бочках с длинным шлангом, удаляли смесь отходов человеческой жизнедеятельности. Их работа была, пожалуй, наиболее востребованной. По слухам, сдельная оплата труда ассенизаторов значительно превышала фиксированные заработки образованных представителей «чистых» профессий и квалифицированных рабочих.

Забегая вперед, отмечу, что мне по профессиональной необходимости (в качестве архитектора) пришлось объехать огромную страну вдоль и поперек. Уровень бытовой неустроенности, включая отсутствие элементарной канализации, особенно в городских и сельских поселениях, меня всегда поражал и огорчал. Как правило, они выглядели архаично, отстало и очень убого. Безрадостная картина усугублялась наличием плохих дорог или их полным отсутствием. Ведь мировая практика строительства начинается с их опережающей прокладки, включая инженерную инфраструктуру. К сожалению, у нас очень часто делалось все наоборот.

Не случайно один из японских постулатов гласит: культура государства начинается с туалетов и кладбищ. Побывав в Японии, слегка окунувшись в ее непревзойденную самобытную культуру и высочайшую мораль, я в реальной жизни увидел подтверждение этих слов.

Но вернемся в 1930-е годы. Мама связывала появление на свет дочки с практическим ответом на декрет вождя народов: незадолго до 37-го года он задумался о необходимости демографического пополнения населения СССР. Так это или нет, сейчас сказать трудно. Спустя десятилетия большое стихотворное посвящение юбилею сестры я начал словами:

Дело было во Полтаве,
Дело славное, друзья!
По декрету Джугашвили
Мама дочку родила.
А декрет тех лет гласил:
«Размножайтесь, сколько сил,
При активном убиенье
Нам ведь нужно пополненье!»

Радость от появления сестренки вскоре сменилась у меня чувством, что я попал в кабалу. Мама беспрекословно требовала, чтобы я уделял Яне все внимание в свободное от учебы время. Это совсем не совпадало с моими эгоистичными и своенравными планами. К счастью, вскоре, хотя и на короткий период, появилась из сельской глубинки молодая няня по имени Дуня. Эти волнующие события я также изложил в стихах:

...Под нажимом материнским,
Взявши на руки, гулял,
Иногда лупил по попе,
Недовольство изливал.
Ведь обидно: все мальчишки
На свободе хулиганят,
И меня в одну упряжку
Бесшабашный возраст тянет.
А я должен с ней гулять,
Ни на шаг не отпускатъ,
Потакать капризам детским,
Даже попу подтирать!
К счастью, Дуня из села,
Где она коров доила,
Нам немного помогла,
В дом наш няней поступила.
Враз сестренку полюбила,
Ее мыла, и холила,
И гуляла, и кормила.
Но недолго счастье длилось:
В Дуниной башке сознание
Социально прояснилось —
В артель «Смерть капитализму»
Вскоре безвозвратно смылась!

В те жестокие годы я еще очень смутно осознавал, что творится вокруг. Хотя порой, конечно, пытался понять причину озабоченного состояния родителей. Но в основном помню свой неумемный интерес к чтению книг, рисованию и черчению, а также к решению головоломных задач по математике, геометрии и тригонометрии. В бесконечных карандашных

зарисовках я пытался изображать буйство природы разных климатических зон с обязательным вкраплением то украинских мазанок, то рыцарских замков, то индейских вигвамов.

Бумага в те годы, как и еда, была на вес золота. Поэтому на улицах, во дворах, даже на помойках я при случае подбирал мятые листы бумаги. Любовно разглаживая их, трепетно вырезал чистые куски. Редко целыми, чаще огрызками карандашей проводил магические линии зарисовок. Не ведая о законах перспективы и трехмерном измерении, я пытался изображать уходящие вдаль воображаемые улицы с домами, площади с фонтанами и скульптурами. Особенно тяжело давались мне попытки взаимоувязки домов с природным антуражем. Деревья, кустарники, газоны часто выглядели неестественно. Тем более деревья я обильно осыпал разными фруктами. Больше всего я любил изображать груши. По сей день они для меня – самое большое лакомство. В тропические пейзажи с пальмами, баобабами, переплетением лиан, обязательными клубками змей я также обязательно включал несколько хлебных деревьев. Не представляя, как они выглядят в натуре, в полном соответствии с названием, к веткам я «подвешивал» батоны, булки и «кирпичики» различных хлебобулочных изделий.

Недоедание в молодые годы, когда бурно развивающийся организм требовал щедрую подкормку, отразилось в гипертрофированной любви к хлебу. При любой трапезе, даже вроде бы не очень совместимой с ним, я испытываю потребность съесть хотя бы маленький кусочек хлеба.

Школьный шалопай и стихоплет

В школьные годы увлечение рисованием смягчало степень моей неуправляемости. Я был постоянно востребован для участия в качестве оформителя стенных газет, праздничных плакатов, поздравительных альбомов и других «художеств». Школы активно соревновались, кто больше изготовит лучших по идеологическому содержанию и художественному оформлению стенных газет. Конкурс, по традиции, сопровождался вручением победителям подарков. При очередном исключении из школы за неблаговидный поступок, как правило, меня возвращали – с клятвенным обещанием перед учителями, что подобное больше не повторится. Блажен, кто верует... Но я постепенно вырос, и нарушений школьного режима становилось гораздо меньше.

Оформительская стезя дополнялась даром быстро и на ходу сочинять короткие стихи и эпиграммы. Иногда они попадали в цель, получали одобрение учителей, занимали место в стенных газетах. К сожалению, и здесь меня иногда заносило. Я умудрялся в стакан меда влить очень большую ложку дегтя. Так, в школе стали разгуливать язвительные и не всегда справедливые эпиграммы на учителей. Ответ на вопрос «Кто автор?» был однозначным. Даже за чужие куплеты шишки сыпались на меня. Я превратился в козла отпущения, хотя догадывался по стилю, кто сочинил их на самом деле. Но язык не поворачивался сказать, что это не мое творчество. Из солидарности я не выдавал истинных авторов. Вину всегда брал на себя. Через десятилетия, пройдя через огонь и медные трубы нелегкой ухабистой жизни, я не расстаюсь с чувством огромной вины перед учителями. Увы, как правило, озарение и покаяние всегда запаздывают...

Трудно объяснить обратную закономерность, но дошкольные и школьные годы более рельефно всплывают из далеких глубин прошлого, чем события вчерашних дней. Особенно цепко в память вросли образы первых наставников на путь истины – наших учителей. Все они были разными по стилю и манере проведения занятий. Но их объединяло одно: стремление на самом ответственном этапе становления личности направить нас, зеленых юнцов, по наиболее правильному пути в жизни.

Одна из самых любимых учителей школы была Гася Иосифовна. Она преподавала украинскую мову (язык) и литературу. Голос у нее был бархатисто-певучий и слегка вибрировал. Она отличалась маленьким, почти карликовым ростом и необыкновенной худобой. От малейших посторонних звуков во время урока испуганно вздрагивала. Но даже любимую учительницу я не обошел бестактным четверостишием:

Нашу Гасю в микроскоп
Разглядеть никто не смог:
В детский садик вместо школы
Мы отдать ее готовы.

Не знаю, дошел ли до нее этот примитивный опус сумасбродного «пиита». Видимо, ее недостижимая для нас мудрость была всепрощающей. И это еще больше усугубляет чувство вины перед ней. Угрызения совести за свои неблаговидные поступки, особенно после надругательства над бородой дедушки, все чаще давали о себе знать. Возможно, происходил закономерный процесс взросления. Но все равно проколы следовали один за другим.

В те далекие годы учащиеся должны были заучивать наизусть многочисленные антипатриотические вирши украинских поэтов. Среди них первое место занимал Павло Тычина. Я очень не любил его поэзию за приторно-придворный стиль. Однажды Гася Иосифовна имела неосторожность на показательном расширенном уроке вызвать меня к доске. Навер-

ное, потому, что у меня был очень громкий голос и довольно четкое произношение. Вряд ли она могла представить, что в присутствии чужих учителей я могу что-то отмочить. Ей было невдомек, что мой плохой настрой в этот день требовал выхода. Накануне я избил мальчишку из соседнего двора и в ключья изодрал на нем одежду. Его родители примчались к нам домой со скандалом и требованием компенсации за ущерб. Отец умел улаживать конфликты, но на мне он как следует выместил свой справедливый гнев. Я был серьезно предупрежден, что если еще один раз подобный поступок повторится, то родители вынуждены будут отправить меня в исправительную колонию на перевоспитание. Естественно, я обрушился на поэзию Тычины с огромным удовольствием. И со злым сарказмом изрек:

Як визьму я кирпичину
Та як вдарю им Тичину.

Часть учеников класса громко заржала. Потом наступила зловещая тишина. Учителя переглядывались. Гася Иосифовна тихим голосом сказала, обращаясь к ним: «Пробачьте» («Извините»). Лицо ее выражало растерянность и огорчение. Жестом тоненькой руки она усадила меня за парту. Дальше вызывала девочек-отличниц, которые отменно декламировали стихи Тычины и смягчили общую обстановку. Мальчишек больше не спрашивала, видимо, опасаясь новых проказ. Я понял, что в очередной раз перегнул палку. Мое сознание еще не до конца воспринимало степень риска за излишнюю болтливость и неосторожные высказывания в этот зловещий период. Даже дерзкий мальчишеский выпад в адрес высокопоставленного народного поэта мог обернуться непредсказуемыми последствиями.

На следующий день после моей выходки ко мне на большой перемене подошла Гася Иосифовна. Она не вспоминала вчерашний инцидент. Я навсегда запомнил ее слова, сказанные с каким-то тревожным теплом: «Будь осторожней. Думай, что говоришь. Не подводи своих близких. Я всех вас люблю, и меня очень беспокоит ваше будущее. Пусть грядущие беды обойдут вас стороной». Думаю, ее мудрость, житейский опыт и дар предвидения высветили мрачную картину надвигающихся событий ближайших лет.

Курьезный, непреднамеренный и глубоко огорчивший меня конфликт произошел с преподавателем физкультуры. Я очень охотно ходил на его занятия. На них мои мозги, которые и в учебе не сильно мной перенапрягались, отдыхали в полной мере. Подтягивания и вращения на турнике, отжимания от пола и другие физические упражнения давались мне легко. Здесь я был не отстающим, а одним из передовиков. Даже попал в число перспективных учащихся, которых собирались послать на городские соревнования.

Моим напарником по занятиям физкультурой был Иван Глоба (по кличке Глыба). Природа наделила его не по возрасту большой силой. Все учащиеся школы опасались с ним связываться. В драках и единоборстве он всегда выходил победителем. Учился старательно, но школьные науки давались ему с большим трудом. Физическая сила сочеталась в нем с неуклюжестью и неповоротливостью. Ловкость и быстрота реакции проявлялись у него только во время поглощения большого количества еды. Замедленные движения на занятиях физкультурой вызывали у преподавателя насмешливые, подчас унижительные замечания в его адрес. Чувствовалось, что у них взаимная неприязнь.

Фамилия преподавателя звучала не очень благозвучно – Бибик. Он был небольшого роста, худощав, быстр в движениях, как и подобает спортсмену. Полный антипод громиле-ученику. Голос был командный, резкий, лающий. Выпученные глаза, взъерошенные волосы, бордовый оттенок вздернутого носа с резко очерченными ноздрями подчеркивали непростой характер. Шепотом, чтобы до него не дошло, его обзывали «Бобик» – почти в унисон с настоящей фамилией. Ходили слухи, что Бибик-Бобик равнодушен к спиртному. Цвет носа, казалось, подтверждал эти подозрения. При близком общении на занятиях от

него исходили иногда непривычные для школьной атмосферы ароматы, напоминавшие то ли самогон, то ли украинскую горилку.

Однажды на большой перемене ко мне подошел Иван. Оглянувшись вокруг, тихо произнес:

– Слушай, ты ведь сочиняешь стишки. Помнишь «Чижика-Пыжика»?

– Ну, сочиняю, а при чем здесь «Чижик-Пыжик»?

– Понимаешь, я тоже решил сочинять. Для начала я переделал «Чижика-Пыжика». Вот, послушай: «Бибик-Бобик, где ты был, на Подоле водку пил». Ну как? А дальше целый день выкручиваю мозги. Ничего не получается. Помоги.

Я был в нерешительности. Мне не хотелось обижать учителя, которого я уважал и даже слегка побаивался. В то же время привычка сочинять вредные стишки сразу нащептала мне концовку «талантливого» начинания Ивана. В законченном виде она звучала так:

Бибик-Бобик, где ты был,
На Подоле водку пил,
Запил водку молоком,
Пришел в школу молодцом.

Иван заржал как конь. Но клятвенно принял мои условия, что все это останется при нем. В случае же провала он сразу признает свое авторство. Я не мог представить, что Иван с жестокой бессовестностью нарушит свое обещание и буквально на следующий день эпиграмма станет достоянием всей школы. Когда я, захлебываясь от гнева, уличил Ивана в гнусном предательстве, он со злорадной насмешкой ответил:

– Ты сам все расплескал. Я здесь ни при чем. Выкручивайся как умеешь. Сочинительство полностью твое, я к нему не имею никакого отношения.

Наша дружба нарушилась всерьез и надолго. Отношения немного восстановились, когда жертвой массовых арестов оказался его отец – единственный кормилец многодетной семьи. Но прежнего доверия уже не было, хотя мы к тому времени повзрослели и другими глазами смотрели на прошлые обиды.

Мысль о предстоящем общении с Бибиком на ближайшем занятии физкультурой вместо обычной радости пугала и настораживала. Но процесс прошел в обычном режиме. Занятие закончилось, все стали расходиться. Я уже был у самого выхода, когда он меня окликнул и, схватив за плечо, уволок в глубину зала. Очень больно вывернув мои податливые уши, он в еще более резкой манере, чем обычно, изрек:

– Ну что, великий горе-поэт, и до меня очередь дошла?

Далее последовал длинный монолог с многочисленными красочными эпитетами в мой адрес. В завершение сильнейшим пинком в зад он выставил меня за дверь. Униженный и оскорбленный, хотя первопричина была во мне, я уныло побрел домой. Движение отдавало болевыми ощущениями в пятой точке. Нестерпимо ныли распухшие уши. На душе было гадко. Но нет худа без добра. Пинок физкультурника оказался еще одним толчком к критическому переосмыслению собственных поступков. Изменились форма и содержание стихов. Их тематика стала шире, безобиднее, душевнее.

Пожалуй, последний мой злой выпад примерно через два года после инцидента с Бибиком был осознанно направлен в адрес заведующей учебной частью школы Елены Пасюк. Чья-то невидимая «мохнатая» рука помогла молодой малоопытной учительнице с небольшим стажем работы занять это престижное кресло. Яркая и красивая внешне, она была высокомерна, неуживчива, конфликтна и груба. С ее появлением школу стало лихорадить. Начались унижительные разборки за малейшие проступки школьников, принявшие характер словесных экзекуций. Особую, необъяснимую ненависть завуч испытывала к мальчиш-

кам. Ходили слухи, что, несмотря на относительно молодой возраст, она преуспела в количестве замужеств и разводов. Быть может, это было одной из причин ее злобного отношения к будущим представителям сильного пола. Я оказался в «черном» списке ребят, к которым она относилась с особой жестокостью. На общих собраниях она представляла школьников как самых недостойных, морально разложившихся личностей. Нас обвиняли в поступках, которые мы не совершали.

С пафосом, во всеуслышание, завуч любила громогласно заявлять, что таких недоумков, как мы, следует исключать из школы, отправлять в исправительные колонии, а по достижении совершеннолетия – в более строгие учреждения.

Слово «тюрьма» не звучало, но все понимали, что она подразумевала под этими словами. Часть учителей не разделяли ее бесчеловечную позицию, некоторые отмалчивались. Были и подпевалы. По-видимому, они лучше всех ощущали атмосферу надвигающихся событий.

Мой внутренний протест и гнев вылились в привычную для меня стихотворную форму:

На островочке пресвятой Елены
Товарищ Бонапарт в изгнание доживал.
Туда сошлем Елену непременно,
Всех в школе ее злощияй нрав достал.

В отличие от инцидента с учителем физкультуры я жаждал вызова в ее кабинет, чтобы высказать все, что накопилось. Слепленный злостью, я не думал о возможных негативных последствиях для себя, а также сколько огорчений доставлю родителям. Но конфликта, к счастью, не произошло. К всеобщему облегчению, завуч вскоре ушла на повышение в городской комитет образования. Однажды я столкнулся с ней в центре Полтавы. Мгновенной реакцией на неожиданную встречу стал саркастический вопрос:

– Вы все еще здесь и мучаете людей? А я-то думал, что вас, ко всеобщей радости, куда-нибудь сослали!

Она в долгу не осталась:

– Если бы моя воля и власть, я бы такое насекомое, как ты, размазала по тротуару. Но и без меня ты будешь обязательно наказан!

Ее холодные красивые глаза смотрели на меня с нескрываемой ненавистью. А злое предсказание сбылось буквально через несколько дней. В «каштановой войне» был поврежден правый глаз, о чем я писал выше.

С особым теплом, не остывшим с годами, я вспоминаю учителя географии. Внешне он напоминал запорожского казака. Это впечатление усиливали расшитая белая рубашка и мягкий певучий голос с ярко выраженным украинским акцентом. И фамилия у него была соответствующая – Козаченко. Его уроки завораживали учеников, а меня даже гипнотизировали. Он темпераментно рассказывал о разных странах и континентах. Создавалось впечатление, что он сам там неоднократно бывал.

Я настолько полюбил его уроки, что прямо-таки бредил географией. Обширная информация, которую он щедро перекачивал в юношеские мозги, перемешивалась у меня с приключенческими сюжетами книг из нашей домашней библиотеки. И я с мальчишеским тщеславием первым торопился к доске. Мое активное желание пересказать тему урока учитель всегда одобрял широкой улыбкой. Но если меня уносило в сторону, Козаченко выразительным жестом доброжелательно давал понять, что я не единственный в классе желаю выступить. И, не успев досказать все, что хотелось, я с огорчением садился на свое место.

В те далекие годы в большом дефиците были наглядные школьные пособия и плакаты. Особенно это ощущалось на уроках географии. Мне захотелось как-то восполнить этот пробел. Через несколько дней по тематическому плану предстояло перебраться из матушки Европы в далекую Америку. Мы знали, что эта заморская держава была, наряду с Великобританией и Францией, самой агрессивной в мировом масштабе. В печати нещадно клеймили капиталистическую Америку.

И я решил, в унисон с духом времени, к предстоящему уроку подготовить сюрприз. С этой целью недалеко от дома сорвал с забора большой лист бумаги с каким-то извещением. Почти до рассвета на его обратной стороне изображал карикатурный образ американского богатея со страшным оскалом лица. На голове высился черный цилиндр. Своими крючкообразными руками, как щупальцами, он обхватывал небоскребы. А внизу копошились сгорбленные фигурки обездоленных чернокожих. Получилась смесь агитплаката и наглядного пособия. Впечатление я усилил наивным патриотическим четверостишием:

Свирепый мистер Сэм в Америке
Простых людей доводит до истерики.
Недолго жить осталось мистеру Сэму,
Социализм наш придет ему на смену.

Плакат и текст произвели в школе фурор. Приходили посмотреть из соседних классов. Появился даже директор школы. Впервые за годы учебы в школе я удостоился высокой похвалы из его уст. Это как бы немного уравнило плохое поведение и низкие оценки по ряду предметов. Воодушевленный похвалой, я активно творил и продолжал «дело Маяковского» в масштабе школы. По распоряжению директора мне стали выдавать для реализации творческих замыслов очень дефицитную ватманскую бумагу, акварельные краски, кисти, цветные карандаши и т. д. У меня даже появились два сподвижника. Оба любили рисовать, и общее призвание нас очень сблизило.

Один из них имел странную фамилию Конон. Звали его Валера. Высокая спортивная фигура завершалась густой копной огненно-рыжих волос. Поэтому он получил яркую кличку Конон Рыжий¹¹. В силе он уступал только Ивану Глобе. Хотя неоднократно побеждал его в самодеятельном единоборстве, так как был более ловок, увертлив и обладал мгновенной реакцией. Его мечтой было стать чемпионом Полтавы по спортивной борьбе. Второй был маленького роста, щуплый очкарик Миша Шер. Ему пророчили большое будущее. На математических спартакиадах города он неизменно занимал призовые места. В школьном возрасте его знания по высшей математике соответствовали вузовским требованиям. Мы настолько сдружились, что после школы вместе выполняли домашние задания и придумывали различные развлечения в свободное время.

---

¹¹ Забавно, что для современного читателя (по крайней мере, для поколения «перестройки») явственно созвучие этого прозвища с именем Конана-варвара из книг Роберта Говарда, написанных, кстати, как раз в 30-х гг. прошлого века. Однако, разумеется, в то время в СССР и слыхом не слыхивали о Конане – издавать книги о киммерийце начали у нас только в 1989 г. – примерно тогда, когда в видеосалонах начали показывать одноименный фильм с Арнольдом Шварценеггером.

«Визит» в Архимандритский сад

Однажды Конон Рыжий предложил нам втроем совершить налет на яблоневый сад. Я, с моим авантюрным характером, согласился сразу. Миша, с его математическим складом ума, долго переминался с ноги на ногу, почесывая черную кудрявую шевелюру и взвешивая все за и против, и в глубокой задумчивости долго протирал абсолютно чистые очки. Наконец нехотя согласился с обреченным видом – и стал третьей спицей в нашей дружеской колеснице. Для Миши подобное развлечение было чем-то совершенно новым и пугающим. Хотя мы заметно повзрослели и все реже транжирили свободное время на бессмысленные проказы, но в этот раз желание полакомиться спелыми яблоками оказалось сильнее.

На следующий день в воскресенье мы собрались в условленном месте у одного из узких проломов в толстой стене Архимандритского сада. С трудом протиснув в него свои тощие тела, оказались внутри. Тишина настораживала. Сад посменно охранялся старенькими сторожами. Для острастки мелких воришек и просто проказников они были вооружены допотопными винтовками, заряженными бертолетовой солью. Как правило, поймав мелких нарушителей, они долго и нудно отчитывали их и затем отпускали с богом – после обещания больше здесь не появляться. Самым свирепым сторожем был дед Никанор. Он спуска никому не давал. Заряд бертолетовой соли навсегда отбивал охоту воровать яблоки и другие фрукты. Но опасение с ним встретиться нас не остановило. Мы облюбовали развесистое дерево, густо усыпанное крупными, сочными яблоками. Валера с ловкостью обезьяны взобрался почти на вершину яблони. Я – намного ниже. Миша был на шухере.

Процесс заполнения матерчатых сумок отборными яблоками завершился, когда, к нашему ужасу, появился дед Никанор. С диким визгом Миша бросился наутек, первым получив в зад изрядную дозу бертолетовой соли. Корчась от нестерпимой боли, он повалился на землю, вращаясь, как юла. Вторая доза угодила в зад Валере. Он свалился с дерева, сильными руками хватаясь за ветки, которые смягчили его падение с высоты. Я успел соскочить вниз, когда третья доза досталась мне. Дед Никанор очень метко целился исключительно в пятые точки. К тому времени подоспели мужички помоложе, и вместе они с позором выставили нас наружу. Каждый получил в дополнение по крепкому подзатыльнику. Перед расставанием дед предупредил, что в случае повторного визита в сад он отведет нас в милицию.

Оказавшись за пределами Архимандритского сада на Монастырской улице, мы стали думать, каким путем пойти домой и как оправдываться перед родителями. Дефицитные и дорогие штаны были сзади изодраны в клочья бертолетовой солью. Перекрестный осмотр показал, что их прикрывающая функция практически полностью нарушена. Распухшие, багрово-пятнистые пятые точки с глубоко сидящей солевой шрапнелью живописно выглядели наружу. В воскресенье на улицах прогуливалось гораздо больше людей, чем в обычные дни. Поэтому было принято соломоново решение: домой возвращаться тихими окраинными улочками и переулками. Пройдя по мостику через узкую речку Тарапуньку, мы направились в сторону Крестовоздвиженского монастыря. Обойдя его по железнодорожной насыпи с кладбищем, через Подол каждый направился в отчий дом в состоянии страха и душевного самобичевания.

«Теплая» встреча с родителями не предвещала ничего хорошего. Но их реакция, как камертон, звучала на разных диапазонах. Валера на следующий день в школу пришел с заплывшим, в окружении зловещей синева, глазом, с рассеченной губой и асимметрично распухшим носом. Нетрудно было догадаться, что его крепкой рабочей закалки отец урок перевоспитания усиливал прикосновениями увесистых кулаков. Миша поведал, что шокировал интеллигентных родителей своим «яблочным подвигом». Отец Шера, профессор в области медицины, вместе с мамой-акушеркой ювелирно очистили его тощий зад от соле-

вой шрапнели. Посоветовали подальше держаться от таких порочных друзей, как Валера и я. Мой отец, представляющий средний класс новой социалистической формации, с трудом воздержался от кулачного перевоспитания. Но я чувствовал, что и он с превеликим удовольствием приложился бы к физиономии непутевого сына. Бедная мама с тяжелыми вздохами, вся в слезах отвела меня к соседу-врачу. Он, по аналогии с родителями Миши, очистил поврежденную часть тела. Затем мама до поздней ночи штопала злосчастные штаны.

Тяжкие воспоминания о яблочном набеге я на следующий же день в школе выразил в стихотворной форме:

В Архимандритский старый яблоневый сад
Залезли мы, как глупые и гадкие воришки.
Соль бертолетовую всем всадили в тощий зад,
Прожгли насквозь потертые штанишки!

Арест отца

Позорно провалившийся яблоневого набега был завершающим аккордом в безвозвратно уходящем в прошлое жизненном отрезке мальчишеского озорства. Озорство это никак не вязалось с общей гнетущей атмосферой страха и неуверенности в завтрашнем дне. Почти ежедневно в школу приходили напуганные и заплаканные ученики. Их отцов уводили неизвестно куда грубые, хамоватые энкавэдэшники. Плановые аресты не обошли стороной и отца. Его забрали прямо с работы, на ремонтно-механическом заводе. Он пришел туда много лет назад простым слесарем. С годами вырос до начальника цеха. Входил в состав партийного комитета завода. К счастью, отца продержали в тюрьме относительно недолго, благодаря редчайшему, почти неправдоподобному стечению обстоятельств. Директор завода был приятелем начальника Полтавского городского отделения НКВД. Он сразу же обратился к нему с ходатайством о пересмотре дела, поскольку отец пользовался его абсолютным доверием и был фанатично предан советской власти. Кроме того, оказалось, что отца перепутали с однофамильцем (с того же предприятия). Одновременно мама, в полном отчаянии, обратилась к директору перчаточной фабрики, где работала модельером. Директор была женой этого самого энкавэдэшника. Она обещала маме свое содействие. Можно лишь предполагать, что именно заставило негибачевого чекиста дать обратный ход аресту. Один нереально счастливый случай из сотен тысяч! Но через несколько дней с ордером на руках мама и я вошли в грязную и зловещую проходную пересыльной тюрьмы. Долго длилась процедура оформления... Многие события моей жизни стерлись или потускнели. Но момент появления отца, когда за ним захлопнулись врата тюремного ада, я запомнил навсегда. Он вылился в стихотворный крик души:

Дорогой мой отец возвратился домой,
Унося страшный привкус тюрьмы с собой,
Его совесть чиста, не виновен ни в чем,
Но его полоснули кровавым мечом.
А за что миллионы невинных людей
Загоняют в кромешную тьму лагерей?
Так злобный тиран своей цепкой рукой
«Талантливо» правит Советской страной.
Он стаяй звериной себя окружил
Искусных копателей братских могил.

Когда я прочитал родителям эти обличительные строки, они пришли в ужас. Рукопись моментально была уничтожена. Отец под впечатлением свежих воспоминаний рявкнул:

– Ты сошел с ума! Твои крамольные стихи ничего не изменят. А ты подумал о маме и сестре? Все мы можем из-за тебя угодить в тюрьму или лагерь! Тебе мало того, что произошло со мной? Уймись, наконец. Пора тебе становиться мужчиной. Какие испытания будут впереди, никто не знает. Хочу надеяться, что ты начнешь меня понимать.

При отцовском немногословии это была длинная и выстраданная тирада. Мне она глубоко врезалась в память. Само стихотворение, несмотря на предостережение отца, я восстановил на небольшом клочке бумаги. Для конспирации изменил почерк и, конечно же, не поставил подпись. А затем спрятал в укромном месте подальше от дома. Память по сей день сохранила каждое слово...

Тем временем провинциальные будни шли своим чередом. Но их размеренное течение все чаще нарушалось слухами о врагах народа, которыми кишела вся страна, о раскрытии

бесчисленных заговоров, о массовых арестах и расстрелах. Зловещие слухи переплетались с бодрой пропагандой прессы, кино, радио о великом счастье жить, учиться и трудиться в нашей самой замечательной и справедливой стране.

Клара Лучко – будущая звезда

В школе завершалось учебное полугодие. Шло соревнование между классами за лучшие показатели по успеваемости. Наш класс был на редкость однородным и сплоченным. Сказывалась довольно ровная социальная родительская среда: интеллигенция, служащие и рабочие высокой квалификации. Многие мои одноклассники отличались разнообразными способностями. Особенно выделялась своим артистическим талантом Клара Лучко¹², уроженка живописного села Чутово под Полтавой. В школе ее ласково называли *Чудова дева*. Удивительно скромная, стеснительная, Клара преображалась, когда пела, танцевала, декламировала стихи, играла в спектаклях школьной самодеятельности. Она была, не по возрасту, самой высокой ученицей не только в классе, но и школе. Высокий рост сочетался с очень тонким станом. В нее были влюблены буквально все мальчишки школы. В том числе и я. Неуклюжая попытка подружиться с ней потерпела фиаско. Ее юное сердце было занято бело-брысым голубоглазым мальчишкой из класса ниже. Он тоже был очень высоким. Поэтому рядом они смотрелись довольно гармонично.

Неосознанное чувство ревности к сопернику, покорителю ее сердечка, потребовало стихотворной эпиграммы:

К нам жирафа забрела
Из Килиманджаро!
Догадались, кто она?
Это – Лучко Клара.

Кстати, имя Клара нетипично для украинских традиций. Но в те годы обычай давать детям имена видных революционеров считался проявлением пролетарского интернационализма. Клара Цеткин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт... Были и менее благозвучные имена! А кличка Жирафа стала как бы ее вторым именем. Клара вначале на меня за это обиделась. Но вскоре сменила гнев на милость. И с доброй улыбкой заявила, что больше всех животных на свете ей нравятся именно жирафы. Ведь это самые стройные, красивые и добрые создания далекой Африки! Клара запомнилась мне на редкость воспитанной и доброжелательной. Если память не изменяет, ее родители были представителями сельской интеллигенции (руководители то ли совхоза, то ли колхоза в Чутово).

Второе посвящение Кларе сочеталось с небольшой лестью с моей стороны, хотя и вполне искренней:

Наша школа номер два первая в Полтаве,
В ней ведь учится красotka и певунья Клара.
Всех талантов в ней не счесть, это сразу видно,
Быть актрисой ей большой, это очевидно.

Как в воду глядел! Первый и последний раз я оказался провидцем и оракулом. Кто мог предвидеть, что спустя многие годы она станет любимой народной артисткой огромной страны! Но еще накануне ее первых выступлений в художественной самодеятельности я стал рисовать и развешивать красочные объявления о том, что выступает великая артистка...

---

¹² 1 Лучко Клара Степановна (1925–2005) – советская и российская киноактриса, народная артистка СССР. Популярность пришла к ней после фильма «Кубанские казаки», в котором она сыграла Дарью Николаевну Шелест. За эту роль в 1951 г. Клара Лучко получила Сталинскую премию второй степени.

Точно не помню, по какому случаю мы однажды обменялись с ней на память незатейливыми открытками. Каллиграфическим почерком, в свободном пространстве между цветочками и птичками, она написала: «Стихотворцу Даниилу шлет привет и поздравления с праздником забредшая в школу Жирафа из Килиманджаро». Текст моей открытки на фоне архитектурного антуража звучал как признание: «Самой лучшей девушке на свете от безнадежно влюбленного Даниила». Однако в искреннем признании была скрыта одна оговорка, не подлежащая оглашению.

Со школьного возраста, когда стал зарождаться интерес к представительницам прекрасного пола, у меня определилось четкое ограничение. Если рост девушки превышал мой, развитие отношений (даже при взаимной влюбленности!) полностью исключалось. По этому признаку уже в юности я стал критически относиться к несоразмерности влюбленных пар. Со временем такое восприятие расширилось и на многообразие окружающей среды. Мне тогда еще неведома была архитектурная терминология (экстерьер, интерьер, ритм, акцент, пропорция и сотни других профессиональных терминов), но интуитивно я уже ощущал, что пропорционально, а что – нет. Но безудержный интерес к архитектуре возник немного позже.

Мой «греческий» зал

Первые азы моей будущей профессии я начал, по счастливому совпадению событий, постигать именно в школе. Однажды мне поручили украсить актовый зал к традиционному выпускному вечеру. Я впервые в трехмерном изображении (не без консультации учителя рисования и черчения, конечно!) изобразил несколько вариантов оформления зала. Меня по-петушиному распирало от гордости, что эта творческая работа поручена именно мне. Вместе с неизменными помощниками Валерой и Мишей удалось справиться с общественным поручением. Когда один из вариантов директор школы одобрил, наша дружная троица с большим рвением стала осуществлять проект. Мы задерживались до позднего вечера в зале не только в учебные дни, но и в воскресенье. Незаметно наше сознание перешло Рубикон взросления. Мальчишеское самодурство стало таять как дым. Мы ощутили еще пока неосознанную потребность совершать серьезные, нужные и добрые поступки.

Я развил бурную деятельность и с головой ушел в нее. Объем работ в реальности оказался намного сложнее эскизного замысла. Пришлось привлечь на добровольных началах нескольких девчонок. Они должны были вырезать из картона, ватмана и цветной бумаги различные элементы декора. В процессе работы в согласованный директором школы вариант оформления зала я предложил внести некоторые изменения. Дело в том, что зал имел удлиненные пропорции и низкий, нависающий потолок. Окна располагались не по длинной стороне, а в торце. У меня появилась несколько запоздалая идея расчленить продольные глухие стены ритмом вертикальных пилястр с каннелюрами. Они зрительно придавали объемно-пространственной композиции зала более изящные пропорции. Эти термины и их сущность я усвоил из книги об архитектуре античной Греции, которая хранилась в нашей домашней библиотеке. Из нее я также узнал, что устойчивость и жесткость строений в ту далекую эпоху достигались за счет стоечно-балочной системы. Это навело меня на мысль расчленить некрасивый гладкий потолок в ритме пилястр подобием выступающих балок. Кроме того, прочитав в другом книжном источнике о природе света и цвета, я предложил участки стен задрапировать недорогой тканью теплых и холодных тонов, чтобы зрительно улучшить пропорции зала. На большом листе ватмана, в перспективном трехмерном изображении на суд директора школы был представлен скорректированный вариант оформления. К нему в кабинет мы явились всей творческой группой. Директор долго молча изучал красочный эскиз. Наконец, обратив свой взор в мою сторону, как на главного заправилу, строго спросил:

– Ты что, решил меня разорить? Школа и родители, наверное, тебя еще не научили умению считать деньги. Это красиво, но цена зашкаливает.

У меня хватило ума заранее продумать, что этот вопрос возникнет. К ответу я был готов.

– Игра стоит свеч. Красота спасет мир. А материал для этого под рукой, и денег он не будет стоить.

Директор с некоторым удивлением и интересом спросил:

– Ах, игра, говоришь? Верно, только в жизни часто бывает все наоборот. А вот практическую часть изволь объяснить.

Я почему-то почти шепотом, как заговорщик, произнес:

– На территории школы, в правом дальнем углу у забора, стоит деревянный сарай. В нем полно крыс и мусора. Разрешите нам его разобрать, а доски и брусья использовать. На этом месте мы своими силами расчистим землю под спортивную площадку или под навес в виде беседки. Кстати, отец Наталки обещал нам передать обрезки цветных тканей для драпировки участков стен между пилястрами.

Директору не нужно было пояснять, кто такой отец Наталки-Полтавки, нашей активной черноглазой помощницы. Он был директором крупнейшего в городе швейно-ткацкого комбината, который почему-то назывался «кутузовским». Наша школа находилась в сфере его шефской деятельности.

Мой длинный деловой монолог директор, не перебивая, внимательно слушал. Когда я замолк, с опаской поглядывая на него, он удивленно произнес:

– Вы меня, конечно, удивили. В хорошем смысле. Откровенно говоря, не ожидал услышать такое продуманное предложение. Считайте, что оно мной одобрено. Только рассчитайте правильно свои силы. Ведь времени мало. Я попрошу нашего плотника, чтобы он вам помог. Дерзайте!

Мы расстались, окрыленные. Я оповестил весь класс о результатах встречи с директором. Практически все согласились участвовать в разборке сарая, заготовке материала и даже в посильном оформлении зала. С помощью плотника Игната, обеспечившего нас инструментами, работа закипела. Мне очень льстило, что я оказался в центре подготовительных работ. Со мной советовались одноклассники. Даже наш упертый бугай Ваня Глоба с удовольствием включился в работу. За его действиями забавно было наблюдать. Сразу вспоминалась поговорка «Сила есть – ума не надо». Пренебрежительно отказавшись от инструмента, он сильными руками, играючи, отрывал доски, вытаскивал заскорузлыми, толстыми, как сардельки, пальцами гвозди и даже умудрялся править их. Через несколько дней разборка сарая завершилась. Мусор был убран, частично сожжен. Огромное количество жирных серо-рыжих крыс, по-украински пацюков, стремительно перебралось на соседние территории. Участок, где стоял сарай, тщательно вычистили и разровняли. Пригласили директора. Он одобрительно покачал большой головой с рыжеватым волосяным ободком вокруг ленинской лысины. Кратко, «по-ленински», сказал:

– Ну и ну! Я вам поверил и не ошибся. Работа на пять с плюсом.

Для всех его слова были высшей похвалой, а я готов был лопнуть от гордости. На следующий день, после классных занятий, решили приступить к оформлению зала. Вместе с Валерой и Мишей мы придумали хлесткий призыв, который изобразили на большом листе ватмана и вывесили его в небольшом холле перед залом. Указательный палец был направлен в сторону крупной надписи: «Вперед, из экстерьера в интерьер!» Незнакомым с архитектурной терминологией я с важным видом объяснял смысл этих загадочных иностранных слов.

Наш триумвират вместе с плотником Игнатом определил план дальнейших действий. За каждым добровольным помощником закрепили участок работы. Силовые действия по переносу досок, брусьев и других тяжелых предметов поручили Ивану. Девушки во главе с Наталкой-Полтавкой должны были отсортировать нестандартные куски драпировочных тканей, накануне привезенные в школу. Сам Игнат с несколькими любителями столярных и плотницких работ стал доводить древесину до нужной кондиции. Валера и Миша вместе со мной определяли и помечали оси декоративных пилястр и балок. При этом Миша с заумным видом вычислял ритмичные расстояния между осями с точностью до миллиметра и чуть ли не с помощью формул из высшей математики.

Через несколько дней полые трехгранные короба под пилястры и балки были успешно установлены. Даже в черновом виде зал выглядел привлекательнее и более пропорциональным. Правда, по ходу работ пришлось кое-что изменить. Чтобы сократить потолочный пролет балок, Игнат предложил в месте их сопряжения с пилястрами устроить подкосы с углом наклона в сорок пять градусов. Это несколько нарушило мой замысел завершить пилястры закручивающимися капителями ионического ордера. Его графическое изображение, описание и название я извлек из той же книги об архитектуре античной Греции. Я тогда по неопытности не понимал, что оформление в греческом стиле зала провинциальной школы слишком вычурно, хотя и не лишено экзотики. Озарение пришло благодаря практической коррекции

плотника Игната. Сопряжение пилястр продольных стен с балками потолка через подкосы образовало перспективный ритм граненых стрелчатых декоративных членений зала. Они перекликались с формой оконных и дверных проемов Полтавского краеведческого музея. Плоскости членений вместо греческой темы я решил украсить полихромными орнаментами в украинском стиле. Самое трудное было продумать характер узоров и изготовить трафареты.

Но через несколько дней и эти трудности были позади. Зал заиграл всеми цветами национального колорита. Команда Наталки-Полтавки виртуозно задрапировала участки стен обрезами и кусками различных тканей. В продольном направлении цвет драпировок был голубой, зрительно расширяющий помещение зала. Торцевую стену со стороны холла и простенки между окнами затянули кумачовыми тканями, которые создавали иллюзию приближения. Кроме того, кумач был цветом государственного флага. Осталось заполнить простенки рисунками, фотографиями и веселыми и остроумными текстами к традиционному вечеру в честь окончания учебного года.

На время работ мы с разрешения директора перекрыли доступ в зал. На посту стояли Ваня Глоба и еще двое школьных силачей. Когда мы доложили, что все готово, директор явился с целой свитой учителей из нашей и других школ. Восторгам не было конца. Директор, указывая на меня, сказал:

– Это все придумал наш школьный архитектор со своей командой.

Я готов был подпрыгнуть до потолка от такой высокой оценки. И, главное, особо отметили мои старания! Спустя несколько дней вывесили приказ директора с благодарностью всем, кто оформлял зал. А чуть позже нам вручили похвальные грамоты. Я принес свою домой и с гордостью показал родителям. Мама прослезилась от радости и расцеловала меня. Папа с улыбкой пожал мне руку и одобрительно сказал:

– Наконец я вижу, что ты становишься настоящим мужчиной! Кстати, хочу тебя обрадовать. В июле ты поедешь не в Кременчуг, а в твой любимый пионерский лагерь в Новых Санжарах.

Меня это известие действительно очень обрадовало. Летний отдых в Кременчуге у дедушки с бабушкой стал терять остроту ощущений полной свободы. Хотелось какого-то разнообразия. Кроме того, милые старички стали заметно дряхлеть. Дедушка с работы ушел. Почти целые дни, в полудреме, он проводил в качалке. Бабушке было все труднее ходить на рынок, готовить еду и убирать в доме. Мама и ее старший брат Яков решили, что старичков следует забрать поближе, в Полтаву. Все упиралось в жилье. Но и эта проблема неожиданно разрешилась. Нашлись желающие обменяться комнатами, чтобы приблизиться к детям, живущим в Кременчуге. Договорились обмен совершить в середине лета.

Впереди, до отъезда в пионерский лагерь, предстояли итоговые школьные экзамены и долгожданный вечер-бал. Чтобы не ударить лицом в грязь, находясь в лучах славы, я впервые за школьные годы основательно подготовился. Это позволило мне завершить учебный год практически на «отлично». Исключение составляли оценки по поведению и физкультуре. Хронический трояк по поведению настолько закрепился за мной, что даже «триумфальный» взлет при оформлении зала не смог повлиять на позицию классного руководителя. Злопамятный учитель по физкультуре, как я ни старался сгладить давний инцидент, вообще перестал меня замечать во время занятий. Но в целом такие непривычно высокие баллы обрадовали моих родителей, которым, как правило, я доставлял много неприятностей и мало радостей своим непредсказуемым характером.

В чересполосице дней, которые до этого привычно складывались в недели, месяцы и годы, наступил долгожданный вечер выпускного бала. Буйное многоцветье теплой украинской весны стало как бы многообещающей прелюдией праздника. Воздух уже наполнился пьянящими ароматами акаций, каштанов, вишневых садов. Настроение у всех было при-

поднятое. Родители к успешному окончанию учебного года по тем временам расщедрились: подарили мне белую рубашку и ярко-оранжевый галстук с витиеватым рисунком. Он непривычно, как обруч, сдавливал шею. Но я не стал огорчать заботливых родителей жалобами на дискомфорт. Тем более что на школьный вечер следовало явиться в более нарядной одежде, чем в будни. Перед выходом я еще раз взглянул в большое зеркало в старинной резной раме. Увидев отражение своей стройной, спортивной фигуры, увенчанной густой волнистой шевелюрой, впервые самодовольно подумал, что девчонкам нравлюсь не зря.

У входа в школу, в коридорах и холле перед актовым залом толпились нарядно одетые учителя и учащиеся. Атмосфера праздника нивелировала естественную дистанцию в их взаимоотношениях. Общались и разговаривали на равных.

Появился директор. Для создания остроты момента мы придумали церемонию с торжественным открытием дверей в обновленный зал. Директор произнес небольшую поздравительную речь и быстрым движением руки перерезал ленточку. Зал предстал перед всеми в новом облике. Много удивленных возгласов и добрых слов прозвучало в адрес всех исполнителей этой творческой затеи. Ко мне подходили, жали руку, хлопали по плечу, выражали искреннее одобрение. После традиционных речей педагогов настал черед школьной самодеятельности. Как в красочном калейдоскопе, мелодичные украинские песни сменялись плясками в ярких национальных одеждах, чередовались сольные и групповые композиции. Как всегда, блистала Клара Лучко. Я тоже не удержался и под занавес прочитал стихотворение, которое сочинил задолго до школьного вечера:

Учителя добрейшие, наставники вы наши,
Благодаря таким, как вы, становится жизнь краше.
Вы с терпеливой мудростью в потоке школьных дней
Нас превращаете в порядочных и грамотных людей.

Взглянув в сторону учителей, сидящих в первых рядах, я понял, что они искренне взволнованы. Гася Иосифовна и другие учительницы, не таясь, вытирали слезы. Учителя были более сдержанны, но кивали мне, доброжелательно улыбаясь. Даже Бирик в перерыве перед началом общей танцевальной программы подошел ко мне и, пожав руку, сказал непривычно мягко:

– Вижу, ты сильно изменился в лучшую сторону. Уверен, что в будущем учебном году ты по физкультуре обязательно выйдешь в отличники.

Наталка-Полтавка

Танцы затянулись за полночь. Я, как никогда, пользовался вниманием девчонок. И подумал, что оформительская работа дает кое-какие преимущества. Особенно усердствовала своенравная Наталка-Полтавка, практически не отходившая от меня весь вечер. Раньше я такого за ней не замечал. Несмотря на мальчишескую влюбленность, всегда ощущалось, что между нами существует незримая дистанция. Ведь ее семья жила в элитном доме в большой отдельной квартире! В классе Наталка держалась самоуверенно, даже немного высокомерно. К мальчикам относилась с подчеркнутым безразличием. Я решил спросить, чем обязан такому неожиданному вниманию. Наталка ответила сразу и довольно откровенно:

– Ты единственный в школе, кто давно мне нравится. Мне с тобой интересно. Кроме того, я тоже мечтаю стать архитектором. Очень хочу, чтобы мы с тобой подружились и после окончания школы вместе продолжили учебу в каком-нибудь вузе Харькова, Киева или даже Москвы.

Я очень удивился. Легкий флирт обернулся разговором с серьезной и целеустремленной девушкой. Я не хотел торопиться с ответом. Но, взглянув пристально, почувствовал, что Наталка не лукавит. Судя по выражению лица, она ждала, что я скажу. Высокомерной маски не было и в помине. Пришлось отвечать, спрятав свои эмоции, спокойно и предельно лаконично:

– До окончания школы еще много воды утечет. Поэтому поживем – увидим. А желание дружить, не скрою, у меня взаимное.

Тем временем зал заметно опустел. Ночь вступила в свои права. Мы, не спеша, как бы сожалея о стремительно уходящем в прошлое необыкновенно приятном вечере, вышли на тихую спящую улицу. Ароматы бурно пробудившейся природы были особенно сильны. Неповторимость украинской ночи звучит в поэме «Полтава»:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет...

Мы еще долго бродили по тенистым улицам города. Наталка без умолку говорила, перескакивая с одной темы на другую. Я больше слушал. Иногда в небольшие разрывы ее словесного потока вставлял отдельные короткие фразы. Как ни странно, спать не хотелось. Видимо, сказывалось сильное перевозбуждение от ярких событий уже вчерашнего дня. А может быть, на первом плане были неожиданно вспыхнувшие чувства и влечение друг к другу. Мы не скрывали, что нам хочется продлить эти неповторимые мгновения... Но первые проблески рассвета, также красочно описанные в поэме «Полтава», окрасили все вокруг и подсказали, что пора расставаться:

Зари багряной полоса
Объемлет ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины рощ и волны рек.
Раздался утра шум игривый,

И пробудился человек.

А для нас это было не пробуждение. Скорее удивительный сон наяву. Но настало время его прервать и после бессонной ночи отойти по-настоящему ко сну. Прощание вылилось в пылкий естественный порыв, свойственный чистой неискушенной молодости. Мы окунулись в мир самых светлых чувств...

В прологе многогранного и глубоко философского «Дневника любви» Пришвиных «Мы с тобой» о том времени написано: «Над миром нависла черной тучей война. В это страшное небывалое время встречаются двое, и из их встречи рождается любовь. Несмотря на то, что любовь эта протекает среди общих страданий, перед лицом которых она должна бы укрыться в тени и неприметности, несмотря на то, что она рождается не просто, не сразу, самым любящим дается тяжело...»¹³

И все-таки на таком невиданном по масштабам катастрофы переломе жизни, от которого нас отделяли считанные дни, наши юные души тянулись друг к другу.

Мама с тревожным ожиданием дожидалась моего прихода. Для родителей непривычно было мое ночное отсутствие, хотя они знали его причину. Четырехлетняя сестренка сладко посапывала в самом теплом и уютном уголке нашей комнаты. Папа молча завтракал перед уходом на работу. Но я заметил, что вид у него озабоченный. Завершив завтрак, он подошел ко мне и как-то отстраненно произнес:

– Вчера директор завода назначил меня, несмотря на запятнанное прошлое, своим заместителем по ремонту очень серьезной техники.

Что это значит, я сразу не мог понять. Хотя быстро сообразил, что подразумевается военная техника. И сказал:

– Папа, но ведь это повышение! А вид у тебя совсем невеселый.

Отец своей большой теплой ладонью не то погладил, не то пригладил мою непокорную шевелюру. Медленно, в глубокой задумчивости произнес:

– Понимаешь, сынок, это назначение – непростое. Повысили не только меня, но и других специалистов, опытных и знающих. Возможно, это связано с приближением каких-то чрезвычайных событий. И так думаю не только я. Меня очень беспокоит ваша судьба, если что-то случится.

Поцеловав маму, проснувшуюся сестренку, которая радостно защебетала, и меня, он быстрым шагом ушел на работу. Отец был добрейшим человеком, но по-мужски сдержанным в проявлении чувств. Женская половина редко устаивалась поцелуя перед уходом и после прихода его с работы. Ласковое слово «сынок» я слышал лишь в последнее время, когда остепенился и стал меняться в лучшую сторону. Зато отец как бы «оттаивал» при общении с рыжекудрой дочкой, которой старался посвятить все свое свободное время. Он любил ложиться на диван, сажать ее верхом и вместе с ней распевать песни. Яна слов не знала, но старалась подпевать, как могла. Вот как это было:

...Время между тем бежало,
И девчушка подрастала,
Очень говорливой стала
И дуэтом распевала
С папой песни тех времен
В красном мареве знамен.
В духе эволюционном,

---

¹³ Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой. Дневник любви. М.: Художественная литература, 1996. Пролог написан В. Д. Пришвиной.

В стиле революционном...

Отец отличался пунктуальностью и ответственностью. На работу выходил из дома в одно и то же время, с точностью до минуты. Путь до завода по улице Парижской Коммуны, затем вниз по Панянскому спуску¹⁴ на Подол занимал у него не более двадцати минут. За многие годы он ни разу не опоздал. Кстати, в те суровые времена служебные опоздания приравнивались чуть ли не к преступлению.

...Отец уже возвратился с работы, когда я проснулся. Быстро собравшись, я помчался на свидание с Наталкой. Мы договорились встретиться у памятника Кобзарю в Петровском парке. В глубине аллеи, ведущей к памятнику, я увидел ее изящную, стройную фигуру. При встрече она прижалась ко мне и заплакала. По наивности я решил, что это слезы радости от встречи со мной. Однако причина оказалась в другом. Во время ночной прогулки она поведала мне о планах на летние каникулы. Как правило, каждое лето родители отправляли ее на Черное море, в Гурзуф. Там проживал брат отца, занимавший довольно высокую должность. У него был большой дом с садом прямо на берегу моря. Наталка в порыве нахлынувших чувств предложила мне вместе с ней провести в Гурзуфе часть летних каникул. Но ее ждал неприятный сюрприз.

Между всхлипываниями, вытирая слезы, Наталка рассказала:

– Когда мы с тобой расстались и я пришла домой, папа уже готовился спозаранку выйти на работу. Он почти всегда в добром настроении. А сейчас... с ходу, не расспросив даже, как прошел наш вечер, озабоченно объявил, что мои планы на лето меняются. С мамой мы через пару дней уедем к его стареньким родителям в Ивановскую область, в маленький город Юрьевец на Волге¹⁵. На мой вопрос, почему так сразу все изменилось, папа непривычно резко отрезал: «Все решено, так надо». И ушел. Я не понимаю, что происходит.

Я тоже не понимал, что происходит. Смутные мысли хаотично вертелись в голове. Настораживала совпадающая по времени и схожая озабоченность наших отцов. Они ничего конкретно не говорили. Но ведь не бывает дыма без огня. Атмосфера беспокойных будней давно уже была пропитана зловещим шепотом обывателей: ждали чуть ли не конца света. Да и официальная пресса и громкоговорители практически ежедневно передавали осторожную, взвешенную информацию о событиях, связанных с захватом Германией новых европейских стран. Но резюме, как правило, было успокаивающее. Между нами заключен надежный пакт о ненападении. Поэтому можно спать спокойно.

С Наталкой мы тогда больше не встретились. Ее подруга через несколько дней передала короткое прощальное письмо. В нем искренние признания были окрашены горечью расставания из-за вынужденного отъезда по воле отца. По неискушенной чистоте и непосредственности, она просила меня вместо несостоявшейся встречи в Гурзуфе навестить ее в Юрьевце на Волге. Поскольку мир тесен и непредсказуем, встреча произошла, но только через четыре десятилетия... Но об этом позже.

Я места себе не находил после стремительного отъезда Наталки. Но жизнь берет свое, особенно в молодом возрасте. Начались каникулы. До отъезда в пионерский лагерь было более полутора месяцев. Развлечения и проказы полностью перестали меня интересовать. Я даже переключился на чтение книг более серьезного содержания. Много времени уделял рисованию с натуры, в основном пейзажей, с обязательным включением построек различных стилей. Стал помогать маме в хозяйственных заботах. Чаше гулял с подрастающей любознательной сестренкой, на ходу придумывая ей всякие сказки. Мне пришла мысль временно, до отъезда в пионерский лагерь, поработать на заводе, чтобы немного пополнить

---

¹⁴ Панянка – пологая гора, спуск с которой ведет на Подол.

¹⁵ Значительно позднее я узнал, что Юрьевец – родина знаменитых советских архитекторов братьев Весниных.

скромный семейный бюджет. Отец с пониманием отнесся к моему желанию и обещал подумать, как меня использовать на трудовой ниве. Но все благие пожелания и планы рухнули в одночасье.

Июнь 41-го...

Итак, незримый тяжелый занавес, как в театре после драматического спектакля, опустился. Он как бы резко отсек короткое прошлое начала жизни моего поколения от черного будущего. Что-то неизведанное началось в устрашающий момент объявления войны. Светлым мечтам и планам, присущим молодости, не суждено было сбыться.

На улицах пока еще спокойного города горожане собирались стихийными группами и надрывно обсуждали страшную новость. Из магазинов очень быстро стали исчезать дефицитное курево, спички, соль и другие нужные и не очень нужные продукты и промышленные товары.

К сожалению, надежда на быструю победу стремительно таяла, сменяясь растерянностью и отчаянием. Довоенный победный пафос – в одночасье разгромить любого противника! – сменился настораживающими и пугающими сводками о вынужденном отступлении в связи с внезапностью нападения Германии. Буквально через несколько дней после объявления войны над городом безнаказанно стали появляться самолеты со зловещей свастикой. Первым бомбежкам подвергся район аэродрома и прилегающих территорий. Просачивались сведения о большом количестве убитых и раненых.

Отец дни и ночи проводил на заводе, который, по его словам, перешел на военный режим. Как-то поздним вечером, после прихода с работы, он нам объявил, что не исключено перебазирование завода на восток. Возможна и наша эвакуация в числе многих тысяч горожан. Мама и ее брат Яков попытались прорваться в Кременчуг, чтобы вывезти оттуда наших старичков. Но все их попытки оказались безуспешными. Дороги в западном направлении были напрочь перекрыты для гражданских лиц. Пускали только по специальным пропускам. Мама была в полном отчаянии. Яков в поисках выхода из сложившейся ситуации обратился к одному из знакомых высоких партийных чиновников. Надежда была почти нулевая. Но, к нашему удивлению, в условиях общей беды и невиданной суматохи, он обещал оказать посильную помощь. Из Кременчуга в сторону Полтавы на машинах срочно должны были вывезти какие-то архивы. Водитель одного из грузовиков получил распоряжение захватить наших старичков.

Он слово сдержал. Но на обратном пути, где-то в районе городка Кобеляки, при налете вражеской авиации рядом с машиной взорвалась бомба. Каким-то чудом бабушка и дедушка уцелели. Поддерживая друг друга, в толпе измученных беженцев они стали пробираться в сторону Полтавы. Вдруг возникла паника, их смяли и разлучили. На протяжении долгого летнего дня бабушка пыталась разыскать дедушку. Но в хаосе бегущих обезумевших людей, среди кровавого месива погибших и душераздирающих криков раненых, в нагромождении искореженных машин и подвод поиски дедушки были равносильны поискам иголки в стог сена. Потеряв всякую надежду его найти, бабушка из последних сил, почти ползком, в изодранной одежде и обуви, увлекаемая общим потоком, двигалась вперед. Когда силы были на исходе и она решила разделить судьбу дедушки, по счастливой случайности, а возможно, из жалости к старому человеку ее подобрала попутная машина и доставила к нам в Полтаву. Все, что ей пришлось пережить, она нам подробно рассказала через несколько дней, когда немного пришла в себя. На ее примере я излагаю лишь крохотный фрагмент общей, ни с чем не сравнимой трагедии первых месяцев войны.

Сводки становились все тревожнее. Иллюзии, основанные на пропаганде и вере, окончательно развеялись. Массовая эвакуация мирного населения на восток в геометрической прогрессии нарастала с каждым часом. В один из дней отец оповестил нас, что мы втроем – мама, сестренка и я – должны быть готовы к отъезду. При определенной стихийности эвакуации железнодорожные составы в первую очередь заполнялись по спискам предприятий и

учреждений. Множество беженцев, на попутных машинах, подводах и даже бредущих пешком, заполнили все дороги в сторону Харькова. Ранним теплым утром, когда благоухание и красота природы еще более контрастно подчеркивали весь ужас происходящего, отец на машине от завода увез нас и еще несколько семей на Южный вокзал, с которого уходили поезда на восток, в Россию.

Вся площадь перед вокзалом, прилегающие улицы и переулки были заполнены людьми. Каждый старался увезти с собой какую-то часть самых необходимых вещей. Чемоданы, ящики, круглые узлы, сумки и другая утварь создавали ощущение большого цыганского табора. Не хватало только подушек и одеял. Когда объявляли начало погрузки в вагоны какой-то определенной группы, несчастные люди с воплями, расталкивая друг друга, старались оказаться в первых рядах. Случайно, в стороне, немного особняком, я увидел небольшую группу отъезжающих, среди которых выделялась Клара Лучко. Несколько минут общения как бы подвели резкую черту под прерванным войной школьным отрезком жизни. Без ложного стыда, повзрослевшие на несколько десятилетий в результате величайшей трагедии, мы расцеловались с ней на прощание, пожелав друг другу скорого окончания войны и возвращения в родной город. Она накоротке представила меня своим родителям, которые сказали, что из ее уст слышали обо мне только хорошее. Впоследствии я узнал, что всю эвакуацию она провела в далеком степном городе, названном именем популярного в те годы казахского акына Джамбула¹⁶. Там в 1943 году после окончания школы Клара Лучко решила поступать в театральный вуз, и, пройдя большой конкурс, она успешно сдала вступительные экзамены во ВГИК и попала в Москву.

Отец уточнил, какой железнодорожный состав унесет нас в неизведанную даль. С трудом пробираясь по узким извилистым проходам между плотными толпами людей, мы погрузились в старенький, доживающий свой век пассажирский вагон. По категории он был общий, не рассчитанный на персональные спальные полки. Поэтому каждый беженец торопился занять хотя бы участок стабильного сидячего места. Немыслимую тесноту создавали разногабаритные пожитки. Они хаотично заполняли все свободное пространство. Пройти по продольному проходу вагона в туалет пожилым людям было почти невозможно. Только молодежь умудрялась ловко перепрыгивать через искусственные преграды. Но в жизни все познается в сравнении! На соседних путях стояли составы из грузовых вагонов, на скорую руку переоборудованных под теплушки для перевозки людей. В сравнении с ними наши старые пассажирские вагоны можно было классифицировать как вполне комфортное средство передвижения.

Прощание с отцом было тяжелым. Он, как всегда, держался стойко. Даже старался улыбаться, чтобы хоть немного смягчить траурное настроение разлуки. Никто из нас не знал, насколько она окажется длительной. Отец уведомил нас, что ему поручено возглавить вместе с директором демонтаж основного оборудования завода и перебазировать его на Урал. Он маме и, для подстраховки, мне на небольших клочках бумаги указал конечный пункт назначения и попросил, когда название это крепко врежется в память, сразу их уничтожить. Как говорят, от греха подальше. Тем более что даже в довоенное время подозрительность и сверхсекретность порой доходили до абсурда. А в условиях войны неосторожное слово или название города на клочке бумаги могло вызвать подозрение не только у органов НКВД, но и у простых граждан: все боялись шпионов и диверсантов.

Отец знал, куда нас везут. Это не было секретом: в Ставропольский край. Поэтому просил не беспокоиться. Пообещал, что двухсторонняя связь даже в условиях войны между нами не прервется. Наконец старшие по вагону оповестили, что через несколько минут

---

¹⁶ Сейчас этот город в Казахстане называется Тараз.

состав отправляется. Провожающие, в том числе отец, распрощавшись, практически выпрыгивали на ходу.

– Берегите маленькую, до скорой встречи! – успел бросить он.

В окно мы увидели его стремительно удаляющуюся фигуру. Сестренка, как и все маленькие дети, не понимала, что происходит вокруг. Она, несмотря на страшную тесноту, беззаботно болтала с мальчиком примерно ее возраста, оказавшимся со своей мамой в одном с нами отсеке.

До Харькова, при расстоянии чуть больше ста километров, состав двигался двое суток. Навстречу, вне всякой очереди, проносились воинские эшелоны. Длительные остановки позволяли беженцам справлять свою нужду на природе. Благо было тепло. Люди перестали стесняться друг друга, так как другого варианта не было. Вагонные туалеты закрыли из-за нарушения работы санитарных систем. Когда раздавались три протяжных гудка – сигналы к отправлению состава, все в панике бежали к вагонам, опасаясь отстать и остаться наедине со своей горькой судьбой в чистом поле. По счастливой случайности наш состав проскочил зоны жесточайших бомбежек. Мы видели на всем коротком пути до Харькова, казавшемся вечностью, множество остатков сгоревших вагонов, перевернутых паровозов и различных искореженных предметов. Зримые шрамы войны на обгоревших строениях вдоль дороги, со зловещими провалами черных оконных глазниц, еще явственнее усиливали масштаб невиданной человеческой трагедии. Едкий дым от пожарищ заползал в щели вагона, смешиваясь со спертými «ароматами» воздушного «коктейля» внутри.

После Харькова, по мере удаления от зоны боевых действий на юго-восток, движение нашего состава несколько ускорилось. Еще через сутки с небольшим мы высадились на небольшой станции с веселым названием, которое совсем не отвечало духу времени: Дивное. В этом степном городке происходило распределение беженцев по различным пунктам временного пребывания. Так рок войны забросил эшелон беженцев из Полтавы в станцию Петровское Село. Всех нас разместили в длинном бараке-долгожителе. Это строение каким-то чудом не сдули сильные степные ветры. После духоты на колесах, где мы были спрессованы как сельди в бочке, барачный комфорт показался нам раем. К нашему приезду барак успели разделить на крохотные равновеликие комнаты-отсеки с двумя нарами внизу и двумя наверху. Почти точная, но более просторная копия общего вагона. На нары положили полосатые ватные матрацы. Внизу расположились мама с сестренкой. Я в состоянии полного блаженства растянулся наверху. Напротив разместилась пожилая, непрерывно плачущая женщина с великовозрастной дочкой.

Маленькое окно высоко под потолком (такие полагается делать в строениях сельскохозяйственного назначения) было наглухо заколочено. Но резкий степной ветер постоянно прорывался через ветхие стены и бесчердачное двухскатное покрытие. Так сказать, обеспечивал эффект естественного проветривания. Самый большой дискомфорт, как водится, доставляли всем отхожие места. По отработанному практикой архитектурному стилю они мало чем отличались от тех, что были в Полтаве. Правда, вместо сплошной дощатой обшивки в шпунт или внахлест доски не состыковывались, а крепились вертикально, о чем свидетельствовали длинные узкие щели. Наверное, в условиях дефицита древесины в степной зоне ловкие мастера таким образом удешевляли стоимость возведения столь ответственных сооружений. При этом не забывали, конечно, и о своем кармане. В результате такой рационализации в них бойко, со свистом гулял степной ветер, разнося нежеланные ароматы на большие расстояния.

Лето было на исходе. Все больше ощущались дневные и ночные перепады температуры. С помощью примитивных буржук в старом бараке с трудом удавалось поддерживать тепло. Простудные и желудочные заболевания, особенно у детей, создавали угрозу эпидемий. Но общая беда сплотила людей. Они старались посылно помогать друг другу.

К сожалению, все тревожнее становились сводки. Война быстро приближалась к Ростову – воротам Кавказа. Вероятно, это была основная причина массовой мобилизации гражданского населения на возведение оборонительных рубежей, включая молодежь допризывного возраста. Таким образом, я оказался в составе одного из сформированных отрядов. попрощавшись с плачущей мамой и притихшей сестренкой, в длинной кавалькаде машин, крытых защитным брезентом, я отправился в неизвестном направлении. После изнурительной езды по ухабистой дороге нас группами стали высаживать в трех расположенных друг за другом степных поселениях. Там на следующий же день начались обширные земляные и строительные работы по возведению линий обороны. Названия этих поселений я запомнил на всю жизнь. Между селами с нерусскими названиями Чалтырь и Самбек располагалось село Веселое, название которого, как и Дивное, вызывало лишь грустную улыбку.

В зоне боевых действий

Шумовой фон приближавшейся войны стал непрерывным и днем и ночью. В первые дни непривычного физического труда ныло все тело, особенно мышцы рук и ног. Короткий сон в полевых условиях был подобен «маленькой смерти» – моментальный, глубокий, без сновидений. Примерно через неделю после работы лопатой и ломом, переброски с помощью тележек и носилок песка и земли стало появляться здоровое чувство укрепившихся мышц. Прошло еще дней десять в непрерывном труде. Неожиданно ранним утром без объяснения причин наши группы срочно перебазировали южнее, в район Батайска.

Ходили слухи, что линия фронта приближалась к Ростову. Видимо, по этой причине гражданское население, привлеченное на возведение линий обороны, уводили в более безопасные места. Происходящее вокруг напоминало гигантский встревоженный муравейник. В разных направлениях с грохотом двигались военная техника, транспортные колонны, отряды солдат и народного ополчения. В небе с характерным гулом стремительно проносились и мгновенно исчезали в зловещем мареве взаимного уничтожения самолеты – истребители и бомбардировщики.

На земляных работах я подружился с двумя допризывниками – Кириллом и Миколой. Они, как и я, были эвакуированы с семьями с Украины в Ставропольский край. В один из дней, когда мы остервенело работали лопатами, подошел незнакомый военный средних лет и представился Богданом. Я не удержался и в шутку спросил:

– А фамилия ваша, случайно, не Хмельницкий?

Он рассмеялся и в унисон ответил:

– Нет, я родился на триста лет позже гетмана Хмельницкого. Но первая буква фамилии совпадает. А вот я вам троим задам хитрую загадку, проверю вашу смекалку. Почему у меня имя Богдан, а фамилия Хитров?

Мы одновременно хором изрекли:

– Вы, наверное, хитрый, поэтому и фамилия такая.

– Ну, допустим, а имя откуда?

Мы задумались. Мне вдруг вспомнилась бабушкина версия:

– Богдан – значит Богом дан.

Таинственный военный хмыкнул и произнес:

– Ну ладно, не буду мучить вас загадками. Вижу, вы смысленные ребята. Так вот, в таежной глухомани одной сибирской губернии очень давно появились две деревни: Богдановка и Хитрово. Вот и весь сказ. А теперь ваша очередь поведать о себе: после я объясню, зачем вы мне понадобились.

Внимательно выслушав наши нехитрые биографии, он закурил самокрутку, выдохнул едким дымом и задумчиво сказал:

– Значит, так. Мне для серьезного дела нужны подходящие ребята. С лопатами вы справляетесь лихо. Но мне сейчас важнее ваши грамотные мозги. Короче, если вы согласны, идите соберите манатки. Я тем временем договорюсь с командиром: временно переходите в мое распоряжение. Жду.

Мы так и не поняли, зачем ему понадобились. Сторая от любопытства, быстро собрали скромные пожитки. Вскоре появился Богдан вместе со старшиной, который пожал нам руки и кратко сказал:

– Расстаемся ненадолго. До скорого возвращения.

Богдан усадил нас с собой в машину. Вскоре через контрольно-пропускной пункт мы въехали на большую огороженную территорию. Приглядевшись, можно было различить много замаскированных зенитных установок и другой боевой техники. Возле них деловито

сновали люди в военной форме и в гражданской одежде. Впоследствии я узнал, что здесь дислоцируется полк народного ополчения перед отправкой к месту боевых действий.

Богдан жестом пригласил нас в невзрачное двухэтажное здание, расположенное рядом с контрольно-пропускным пунктом. Мы оказались в большом зале с приборами непонятного назначения. За столом сидело несколько офицеров. Богдан доложил о нашем прибытии. Его молча выслушали, с явным недоверием поглядывая на нас. Наконец старший по званию офицер обратился к нам:

– Проверим в деле, чему вы научились в школе. Быть может, вам будет легче освоить секреты очень умных новых приборов. Если почувствуете, что не по Сеньке шапка, – не стесняйтесь, сразу скажите. Ругать не будем. Обрато отвезем, как привезли. Инструктировать вас будет Василий. Теперь он ваш новый командир. Прошу его любить и жаловать.

Все как по команде встали и вышли из зала. Остался моложавый военный. Мы догадались, что это и есть тот самый инструктор Василий. Он сразу приступил к делу. Объяснил назначение загадочных приборов. Их аббревиатура звучала интригующе: ПУАЗО. В расшифровке – приборы управления артиллерийским зенитным огнем. Это были новейшие сложные вычислительные устройства для автоматического наведения зенитных установок на движущиеся в небе и на земле цели. Василий в течение трех дней по несколько часов учил нас искусству: определять угол наклона зениток с учетом расположения цели по высоте, скорости движения и другим взаимосвязанным факторам.

По окончании ликбеза он проверил, насколько правильно мы усвоили методику вычисления баллистических кривых. Результатом применения наших новых знаний Василий остался доволен и похвалил за смекалку, усердие и успехи в математике, геометрии и тригонометрии. Правда, Миколу, который разбирался в точных науках хуже, чем я и Кирилл, был поручен более простой вид вычислений. Чтобы закрепить достигнутое, я попросил большие листы ватмана и цветные карандаши. По аналогии со школой всю последовательность нужных действий изобразил в ярких графических схемах. А в дополнение выпустил «боевой листок». Нарисовал безжалостный штык, пронзающий черную окровавленную свастику. Под ним крупными буквами написал:

ПУАЗО поможет нам
Метко бить по злым врагам
И победы наши множить,
Чтоб фашистов уничтожить!

Развесив по стенам зала схемы и листок, мы позвали Богдана и Василия. Наше творчество вызвало у них искреннее удивление и даже восторг. Затем Богдан заявил, что пора заняться нашим внешним видом. Он повел нас к вещевому складу, где нам подобрали по росту старые комплекты солдатского обмундирования. С первого дня пребывания в полку нас также приобщили к нехитрой полевой кухне. Спустя десятилетия изысканные ресторанные блюда мне не казались такими вкусными, как простая солдатская еда. По доброте душевной солдаты наперебой предлагали нам, как они выражались – для «сугрева», глотнуть из алюминиевых кружек спиртного. А заодно – затянуться крепким табаком из газетной скрутки. Мой организм не был готов к этому. Но наша троица хотела казаться солиднее и сильнее своего возраста. Правда, Кирилл и Микола, выросшие в селе, уже приобщились к куреву и добротному самогону. А я, заставив себя глотнуть чистый спирт и затянуться жгучим зельем, стремительно убежал куда-нибудь в сторону, чтобы никто не видел, как меня выворачивает. С тех пор я практически не употребляю спиртные напитки (кроме сухих вин) и не курю.

Мы не знали, как долго продлится наше пребывание в полку. Но в отличие от монотонных земляных работ здесь мы чувствовали себя более нужными и полезными для фронта. Чтобы успокоить маму, я несколько раз в неделю посылал ей письма, сразу указав номер моей полевой почты. Нас отделяло друг от друга совсем небольшое расстояние. Но, как говорят, близок локоть, да не укусишь. От мамы также стали приходить весточки, где между строк читалась тревога за меня и надежда на мое скорое возвращение.

Тем временем мы все больше втягивались в суровую и тревожную жизнь полка, который, по всем признакам, готовился к отправке на передовую. Стало больше озабоченности и суеты. Усилились авиационные бомбежки. Замаскированные зенитные орудия практически день и ночь били по врагам. Наш сон сократился до минимума. Мы напросились, в промежутке между нашими дежурствами, участвовать в подвозе снарядов, а также в чистке и смазке неостывающей военной техники. В один из налетов разметало вещевого склад, снесло часть ограждения, а воронками изрыло ухоженный полигон. К счастью, мощные укрытия были устроены далеко. На этот раз обошлось без человеческих потерь.

В один из холодных и ветреных ноябрьских дней Василий оповестил о начале передислокации нашего подразделения. Технику осторожно демонтировали и в упакованном виде устанавливали на «студебеккеры»¹⁷ и платформы с мощными тягачами. Мы очень быстро повзрослели на годы вперед. Поэтому без лишних расспросов действовали наравне с бывалыми солдатами. За несколько дней передовые подразделения и основная часть техники спешно покинули территорию, которая уже стала для нас вторым домом. Группа обслуживания ПУАЗО должна была последовать за ними после полного завершения работ. Василий как-то во время короткого отдыха сказал, что намерен поощрить нас за усердие и мужество. Он также добавил, что мы достойны носить звание сыновей полка.

Тем временем, по принципу «свято место пусто не бывает», опустевшая база превратилась в подобие перевалочного пункта: подходили новые войска. Через несколько дней мы услышали сообщение, вызвавшее радостное ликование. Это была первая крупная победа Красной армии в начале войны. После недельной оккупации был освобожден Ростов¹⁸. В числе отличившихся частей называли и полк народного ополчения. Окончательное освобождение города произошло 29 ноября 1941 года. Эту дату я запомнил навсегда. Она могла стать последним днем моей короткой жизни.

Вечером, как бы в отместку за изгнание из Ростова, произошел массированный налет люфтваффе. В это время мы все находились в двухэтажном строении, завершая последние сборы. Взрывная волна с грохотом и треском оставила дыры вместо оконных и дверных проемов. Пройдя насквозь, она втянула внутрь помещений огромную массу мусора. Обрушилась большая часть междуэтажного перекрытия – балки и деревянный настил. Двухскатную кровлю с чердаком просто снесло. Всех, кто находился в помещении, разметало в разные стороны. Не знаю, отключалось ли сознание в страшных объятиях взрывной волны, щедро забросавшей меня тяжелыми глыбами земли, камней и мусора. Помню, когда меня вытащили из-под завала, адское ощущение боли в глазу, груди и колене правой ноги. Оперированный глаз был залеплен размокшей землей, перемешанной с мелкими камнями.

Поверье, что в один и тот же окоп снаряд дважды не попадет, конечно, проверено опытом бесконечных войн. Но в данном случае опять пострадал именно мой правый глаз. Несмотря на общую суматоху и хаос, меня немедленно передали в руки санитарной команды. Раненых и контуженых, в числе которых оказался и я, перевезли в полевой госпиталь в небольшом поселении Самарское. Вторая глазная операция была менее удачной, чем

---

¹⁷ Здесь идет речь о знаменитых ленд-лизовских грузовиках Studebaker US6 (США), на которые устанавливали, в том числе, и знаменитые «катюши».

¹⁸ Имеется в виду Ростов-на-Дону. Успех, к сожалению, был недолгим; окончательное освобождение города произошло 14 февраля 1943 г.

первая. Зрение в глазу практически снизилось до светоощущения. На правом колене зашили рваную рану. Сняли сильные боли в затылке, позвоночнике и грудной клетке, полученные в результате общей контузии.

В госпитале я узнал о гибели во время этого налета Василия и четверых ребят из группы обслуживания ПУАЗО. В их числе оказался славный Микола, с которым мы стали неразлучными друзьями. Трудно смириться с тем, что кровавая и ненасытная пасть войны непрерывно поглощает неисчислимое количество человеческих жизней. А для свидетеля их гибели боль от утраты часто становится нестерпимой. Глубокое чувство скорби я на госпитальной койке выразил в словах:

Второе рождение, спасибо судьбе,
Лишь шрамы напомнят о страшной войне.
Ведь тысячи тысяч славных ребят
Пожить не успели, в земле лежат.
В степном Ставрополе был страшный налет,
Погиб в нем Василий и маленький взвод.
Вам вечная память. Пока буду жить,
Вас в сердце израненном стану носить.

Эти тяжелые воспоминания я не навязывал никому, даже самым родным и близким людям. Поскольку чувствовал, что для них это отрезок далекой истории, который не раз, правда с большим количеством небылиц и вариантов, описан в документальной и литературной форме. Поэтому впервые на этих страницах оживает моя память о военных годах...

Более двух недель меня ставили на ноги. После вручения полного комплекта медицинских документов с печатями, различных удостоверяющих справок и выписок мне помогли попасть на попутный транспорт в Петровское Село. Круг замкнулся. Здесь со слезами радости встретила меня мама и повисшая в объятиях сестренка. Переживания и тяготы наложили отпечаток на красивую мамину внешность. Появилось много ранней седины и морщин на исхудавшем лице. А увидев повязку на моем глазу и нетвердую походку (я прихрамывал), мама ахнула.

В смягченной и сжатой форме, чтобы поменьше ее травмировать, я поведал о том, что со мной произошло почти за полгода. А казалось, что прошел целый год! Но главное – во мне закрепилось внутреннее ощущение бывалого мужчины и появилось чувство уверенности в своих силах. Весомо заявил маме, что отныне, пока отца с нами нет, всю ответственность за судьбу ее и сестренки я полностью беру на себя. На вопрос о судьбе родных мама поведала, что папа вместе с заводчанами успел перебазировать часть станков на Урал. Он нас ждет не дождется. Мама просто не хотела ехать к нему без меня. Дядя Яков с семьей, включая бабушку, находился в Новосибирске. Состав, который увозил на восток самое ценное оборудование и сотрудников типографии, где он трудился многие годы, успел проскочить под бомбежками буквально за несколько дней до захвата немцами Полтавы.

Через калмыцкие степи на Урал

Мы стали готовиться к отъезду. Наши документы позволяли беспрепятственно двигаться на восток. Решающая роль принадлежала моему свидетельству об участии в боевых действиях и последующей госпитализации. В то тревожное время проверки на дорогах и в населенных пунктах проводились специальными патрулями на каждом шагу. Малейшее подозрение было чревато длительным расследованием. Особенно придирчиво проверяли мужчин призывного возраста с подозрением на дезертирство.

Для нас единственным возможным вариантом был путь через бесконечные калмыцкие степи до Астрахани. Оттуда по железной дороге до Свердловска, затем пересадка на северо-восточную ветку, до станции с необычным, даже романтическим названием – Красные Орлы. В большом селе, на базе старинного литейного производства демидовских времен, разместили часть полтавского Ремонтно-механического завода, сокращенно – РЕМЗ.

Был конец декабря. Традиционно любимый всеми канун Нового года мы встречали на колесах. Вместе с другими беженцами, на крытых толстым брезентом «студебеккерах», по ухабистой дороге доставили в Элисту. Калмыцкая столица в те годы выглядела архаично, убого и неприветливо. К машинам подбегали местные жители, предлагая обменять вяленое мясо с запашком, кумыс, лепешки и другую съедобную снедь на любую одежду, обувь, мыло, спички и курево. Мы остановились на ночлег в относительно теплом бараке. На следующий день предстоял тяжелый переезд через всю калмыцкую степь. Всех нас предупредили, что он может занять несколько суток, так как узкая дорога забита встречными военными колоннами.

Утро выдалось холодное и пасмурное. Сильный ветер со зловеще-певучим завыванием приводил в движение песчаные массы, которые обволакивали людей и проникали во все щели и дыры. Мы постарались утеплиться, как смогли. Сестренку поверх одежды мы укутали еще в два теплых одеяла. Внешне она смахивала на живой колобок. Несмотря на свой возраст, она все тяготы переносила без капризов и плача, в какой-то недетской задумчивости. Меня от холода спасал комплект обмундирования, полученный еще в полку. Больше всего мерзли ноги. Поэтому я укутал их дополнительной парой портянок. Широконосые кирзовые сапоги, которые были велики мне на несколько размеров, позволяли это сделать.

Как и предполагалось, наш транспорт часами ждал на обочине дороги, пропуская бесконечные потоки на запад. Чтобы немного согреться, все вприпрыжку двигались вокруг машин. Поздно вечером мы оказались в маленьком допотопном поселении Яшкуль. Разместились в заброшенном неотапливаемом строении. Холод был настолько сильный, что для спасения все прижались друг к другу, образовав монолит из человеческих тел. Я расстегнул свою стеганую на ватине куртку и бережно укрыл там хрупкую сестренку, стараясь, чтобы ей было теплее. Ночь тянулась бесконечно долго, как бы испытывая всех на прочность. К счастью, несмотря на это, никто из нас в пути не заболел. Видимо, инстинкт самосохранения создал защитный барьер для человеческого организма, который в размягчающих условиях комфорта более податлив различным болезням и холоду.

Утром, невыспавшиеся, продрогшие, с болевыми ощущениями во всем теле (очень неудобно было лежать и сидеть в условиях запредельной тесноты!), мы молча, без ропота и стенаний, погрузились в «студебеккеры» и тронулись дальше. Дорога в этот раз оказалась более свободной. Во второй половине дня мы въехали на окраину поселения Красный Худук. Про себя я подумал, что Красный Худук и Красные Орлы (наш конечный пункт), к сожалению, разделяет слишком большое расстояние. Поселение приютилось у развилки дорог на Астрахань и Кизляр. Недалеко, судя по всему, размещался животноводческий совхоз. На обширных степных просторах вокруг паслась различная живность. Наши автомашины

остановились на площадке перед двухэтажным жилым зданием с аляповатой вывеской на русском и непонятном калмыцком языках – «Правление совхоза». Оттуда вышли несколько человек и направились к нам. Ответственный за переезд долго о чем-то договаривался с ними. Наконец с довольной улыбкой сообщил, что нам обещают теплый ночлег и горячее питание. Это известие измученные и уставшие люди встретили с нескрываемой радостью.

Нам предоставили для ночлега здание правления совхоза и пустующий клуб. Работники совхоза, русские и калмыки, для устройства наших постелей стали набивать мешки высушенными степными травами. Когда я решил испытать импровизированный матрац, мне показалось, что я прилег на царское ложе. Вскоре всех пригласили в рабочую столовую, из которой уже давно доносились аппетитные запахи. Обилие разнообразной еды на столах нам также показалось поистине царским угощением в условиях военного времени. В основном нам приготовили национальные калмыцкие блюда, которые я попробовал впервые в жизни.

Я старался время от времени вести краткие записи, которые частично сохранились и помогли восстановить ряд событий тех далеких лет. В том числе названия калмыцких яств. При входе всех угостили, для душевного обогрева и поднятия настроения, молочной водкой – *аракой*. Я даже попытался в сестренку влить пару капель араки, но она с отвращением сплюнула. Затем по калмыцким традициям нам подали пиалы *джамбы* – молочного чая с солью и различными травяными приправами. Он обладает лечебными свойствами, а также согревает в холод и охлаждает в жару. Очень аппетитные тушеные потроха баранины *дотур* вперемешку с крупными пельменями *берг* запивались кумысом. Был даже десерт – яблоки в сметане. Я так подробно описываю этот пир, потому что он остался самым приятным воспоминанием о тех безрадостных днях.

Незадолго до сна нам предложили по очереди помыться в совхозной бане. Это был еще один необыкновенный подарок судьбы. После спокойного сна в тепле мы с огромной благодарностью распрощались с добрыми и чуткими калмыками. Каждый старался на память оставить им какой-нибудь сувенир. Я передал директору совхоза набор полтавских значков и написал четверостишие:

В далеком калмыцком селенье, где добрые люди живут,
Нашли мы совсем ненадолго душевный и теплый приют.
Здесь нас накормили по-царски и спать уложили в тепле,
У вас мы прожили как в сказке и очень красивой мечте.

Отъезжая от совхоза, мы долго размахивали руками в знак прощания. Через несколько часов въехали в Астрахань.

Площадь перед вокзалом напоминала взбудораженный улей, как в Полтаве во время эвакуации. Попрошавшись с нашими временными попутчиками, мы буквально втиснулись в один из залов вокзала, где обнаружили кусочек свободной площади. Через представительство военной комендатуры я по своим документам оформил три проездных билета на ближайший поезд до Свердловска. К счастью, он отправлялся в ближайшие часы. Мне очень хотелось хотя бы немного осмотреть древний, с богатой историей город. Но пришлось, из-за нехватки времени, лишь с вокзальной площади издали полюбоваться силуэтом монументального Астраханского кремля, по стилю отдаленно напоминавшего Крестовоздвиженский монастырь в моей родной Полтаве.

Вокзал, построенный в мавританском стиле, был конечной станцией, дальше Астрахани поезда не ходили. В то время электронных табло не было. Время отправления, номер платформы и пути меняли вручную на расписаниях движения поездов в зале ожидания. И, конечно, объявляли через громкоговорители. Подземные и наземные переходы практически отсутствовали, за исключением таких городов, как Москва и Ленинград. Поэтому,

чтобы попасть на поезда, которые подавали на отдаленные пути, приходилось или обходить длинные составы, или, на свой страх и риск, проползать под вагонами с малыми детьми и вещами. Такие рискованные маневры не всегда завершались благополучно. По закону подлости бывали случаи, когда именно в этот момент поезд трогался с места и жертвы были неминуемы. Особенно опасно стало в военное время. Большинство составов отправлялось вне привычных графиков, подав лишь три коротких предупредительных гудка.

Поэтому, отправив отцу телеграмму с указанием номера пассажирского поезда и даты отправления, я разведал путь, на который будет подан наш состав. Затем, без спешки, провел маму и сестренку к месту посадки. Дорога предстояла долгая и длинная. Но теплый вагон со спальными местами располагал к нормальному отдыху. Условия по сравнению с муками эвакуации из Полтавы в Ставропольский край были просто райские. Астрахань и Заволжье находились еще относительно далеко от зоны военных действий. Поэтому на промежуточных станциях в пути не было ощущения надвигающейся беды.

Вместе с любознательной сестренкой мы часами с интересом смотрели в окно. Бесконечные пространства проплывали мимо наших любопытных взоров. В пути сильно расширился и горизонт познаний. Я читал до этого о существовании соляных озер. Но одно дело – читать и знать. Другое дело – воочию увидеть. Когда поезд медленно двигался мимо озер Баскунчак и Эльтон, я был поражен фантастическим, неземным зрелищем уходящего вдаль белоснежного плато с выщербленными кратерами выработок. Был солнечный день, и яркие блики с холодными и теплыми оттенками создавали удивительную игру красок, достойных кисти талантливого художника. Нечто подобное я встретил уже в зрелом возрасте, прогуливаясь по соляному озеру в далеком и экзотичном Тунисе.

В Саратове я воспользовался длительной стоянкой и успешно совершил небольшую коммерческую операцию. Дело в том, что завтра нам предстояло на колесах встретить Новый год. Мне безумно хотелось сделать приятный сюрприз маме и сестренке. Втайне я задумал продать второй комплект теплого зимнего белья, выданного мне в дополнение к общему обмундированию еще в Батайске. Кроме того, за время работы по возведению линий обороны, пребывания в полку народного ополчения и госпитализации мне, на основании подтверждающих документов, была выплачена по тем временам приличная сумма денег. Я их почти все с некоторой даже гордостью передал маме. Себе оставил небольшую часть. На перроне вокзала я у пожилой женщины, торгующей пирожками, приценился, за какую сумму можно продать белье. Она охотно, со знанием дела, взглянув на комплект, назвала цену.

Поблагодарив ее за консультацию, я уверенно стал размахивать нижней рубашкой и кальсонами с завязками. Меня сразу обступила толпа заинтересованных мужиков. Самый ближний выхватил у меня комплект и спросил: «Сколько?» Почувствовав, что товар ходовой, я твердым и уверенным тоном завысил цену в полтора раза. Мужичок задумался, но комплект из рук не выпускал. Сзади раздались сердитые голоса, и тот, больше не мешкая, сунул мне деньги и исчез с желанной покупкой.

Я пробежал вдоль плотных рядов торгующих. Мое внимание привлекли теплые платки, которые наперебой предлагали многочисленные продавщицы. Я подумал, что для зимы на Урале это самый практичный подарок маме, а заодно и сестренке. С видом привередливого знатока, хотя совершенно в платках не разбирался, я просмотрел все образцы. Тональность хора продавщиц повышалась на несколько октав, когда они разворачивали товар с ударением на слове «оренбургский». О существовании города Оренбурга я знал еще со школьной скамьи. О замечательных платках из этой местности я узнал впервые. В толпе хватких продавщиц мне приглянулась улыбчивая старушка. Она со скидкой продала для мамы большой серый платок и теплые перчатки. Для сестренки я выбрал комплект: вязаную шапочку с шарфиком и перчатками. На оставшиеся деньги накупил весомый кулек конфет и печенья. Не забыл и отца. Ему, как заядлому курильщику, купил портсигар, на котором

Вождь народов, узнаваемый только по усам, рукой указывает в пространство, где корявыми буквами выгравировано: «Вперед к победе!»

Все подарки я бережно уложил в матерчатую сумку и, довольный результатом первой в жизни коммерческой комбинации, вернулся в вагон за несколько минут до отправления поезда. На вопрос мамы, почему у меня такая разбухшая сумка, я уклончиво пробурчал:

– Это тебе показалось.

Забросив ее на вторую полку – подальше от любопытных взоров, я уселся с сестренкой рядом у окна, следя за убегающими назад одноэтажными домиками – окраинами незнакомого города. Из многочисленных остановок на долгом пути больше других по названиям мне запомнились две станции – Пугачевск (в городе Пугачеве) и Чапаевск. Спустя десятилетия в качестве архитектора мне пришлось посетить эти небольшие городки. Я узнал, что их исторические названия неоднократно менялись. Основателями нынешнего города Пугачева были старообрядцы. Первое поселение получило необычное название – слобода Мечетная. Затем слободу переименовали в город Николаевск. После революции, по предложению Чапаева, город нарекли в честь бригады, носившей имя бунтаря Пугачева. Аналогична судьба и у нынешнего Чапаевска. Поселок Иващенко в 1920-х годах в честь Троцкого получил название Троцк, а после его опалы – Чапаевск.

За несколько дней пути все пассажиры перезнакомились между собой. Напротив нас ехал грузный пожилой мужчина, который представился директором леспромхоза из уральского глубинного города Туринска. С лукавой улыбкой он сказал, что у Василия Чапаева и у него одинаковое имя и отчество. Он ездил в командировку в Калмыкию заключать договор на поставку леса. Словоохотливый и любознательный, мне он с ходу предложил ехать к нему помощником в управление на приличную зарплату. Я уклончиво сказал, что подумаю: хотелось пожить всем вместе после долгой разлуки.

Тем временем позади осталась «запасная столица» страны – Куйбышев (Самара)¹⁹, мы въехали в Башкирию и приближались к Уфе. Остались считанные часы до Нового года. Я заранее предвкушал удовольствие от вручения подарков. Во всех уголках вагона усилилась суета. Каждый пассажир в пределах скудных возможностей военного времени как-то пытался отметить праздник. Наш сосед раскрыл внушительных размеров фибровый чемодан. С деловым видом выложил несколько буханок хлеба, сало, колбасу, вяленую рыбу. Из газетных упаковок нежно извлек несколько бутылок водки. Мне сказал:

– Пойди посчитай всех в вагоне.

– Зачем? – с недоумением спросил я.

– Слушай старших, потом поймешь, не теряй время.

Смутно начиная догадываться, через несколько минут я назвал ему число наших спутников. Он одобрительно кивнул и попросил маму помочь разрезать всю выложенную снедь на равные куски, а меня – ножницами изготовить из газет подобие салфеток. Я попытался сделать их покрасивее. Потом Василий Иванович велел собрать у всех по стакану или кружке. Уверенно разлил равные дозы спиртного. Мама красиво уложила на самодельные салфетки нарезку, а я вместе с сестренкой разнес их изумленным пассажирам. Наш сосед торжественно прошел по вагону. В момент перехода в Новый год он всех поздравил и привычным залпом выпил содержимое стакана.

Точно в полночь я вручил наконец маме и сестренке подарки. Глаза мамы увлажнились, она расцеловала меня и сразу укуталась в платок. Сестренка с восторженным визгом все напялила на себя и, не снимая, вскоре уснула. Слегка подвыпившие пассажиры непри-

---

¹⁹ Во время Великой Отечественной войны, в июле – октябре 1941 г., в Куйбышев был эвакуирован ряд предприятий из западных регионов страны и их персонал с семьями. С 15 октября 1941 г., по указу Государственного Комитета Оборона, в город эвакуированы из Москвы правительство СССР, Верховный Совет СССР, дипломатические представительства, крупные учреждения культуры (например, Большой театр и «Мосфильм»).

нужденно болтали. Казалось неправдоподобным, что в это же время, когда под мирный стук колес люди отмечают встречу Нового года, где-то идет жесточайшая война. Оживленные разговоры пассажиров затянулись далеко за полночь. Естественно, основной темой было положение на фронтах. Люди с надеждой делились прогнозами на будущее. Сожалели только, что наша армия так быстро и намного отступила. Но все верили, что итогом обязательно будет победа.

Когда я проснулся, за окном проплывали невысокие горы Южного Урала. Из любимой географии я знал наперечет крупнейшие горные образования всех стран и континентов. Но реальный пейзаж поразил меня своей живописностью и красотой. В горных впадинах отдавали холодной голубизной еще не замерзшие бесчисленные озера. Мы проехали промышленные города Златоуст и Миасс, ощетинившиеся заводскими трубами. Впереди был Челябинск, а там рукой подать до Свердловска.

День клонился к закату, когда наш состав, несколько раз дернуввшись, замер на перроне большого вокзала Свердловска. Мы не знали, сумеет ли встретить нас отец. Сумерки сгустились, и трудно было в массе движущихся силуэтов узнать самого родного человека. И вдруг сестренка громко завопила и стала руками стучать по окну:

– Папа, папа, мы здесь!!!

Встреча была трогательной, долгожданной и выстраданной. Сестренка повисла в крепких объятиях отца. Укоризненно поводя указательным пальчиком, нежно поглядывая на его постаревшее лицо с выразительными голубыми глазами, несколько раз переспросила:

– Ну почему ты так долго отсутствовал? Мы ведь очень скучали. Без тебя нам было совсем плохо!

– Отныне мы будем все время вместе, доченька, – отвечал ей отец с доброй, счастливой улыбкой.

Повязку с моего правого глаза уже сняли. Отец испытующе посмотрел на меня и дрогнувшим голосом, что редко с ним бывало, произнес:

– Слава богу, что ты остался жив и сейчас рядом с нами!

Предугадывая неизбежные вопросы, отец объявил, что предстоящую ночь мы проведем в гостинице неподалеку от вокзала. Завтра в первой половине дня на местном поезде поедем в село Красные Орлы. После устройства в небольшой уютной гостинице отец повел нас на первый этаж в ресторан. Здесь я ему вручил новогодний подарок – тот самый саратовский портсигар. Отец был очень тронут и моментально переложил курево из бумажной упаковки в портсигар.

Я с интересом рассматривал необычный интерьер: стены ресторана поражали живописными фантастическими образами. Отец сказал, что это сюжеты популярного уральского сказочника Павла Бажова. Меня удивил метод оформления зала. Это была не роспись плоскости стен, а накладки из рельефной позолоты, вырезанных элементов картона и бумаги, окрашенных в различные цвета. Впоследствии я узнал, что этот уникальный уральский способ оформления интерьеров называется декупаж. Простенки между окнами были увешаны подносами, также расписанными сказочными сюжетами и красочными букетами цветов на черном фоне. На полу в простенках стояли тяжелые кованые сундуки, на которые взгромоздили необработанные, удивительные по цветовой полихромии каменные глыбы минералов. Подвески люстр также были набраны из минералов. Для контраста с большими декоративными глыбами подвески имели граненую геометрическую форму. Это было первое знакомство с некоторыми уральскими традициями оформления интерьеров помещений общественного назначения.

На ужине отец заказал несколько блюд из уральской кухни – пельмени, запеченный картофель в молоке, сладкие оладьи. Практически эти блюда составляли, с небольшими вариациями, основной ассортимент ресторанного меню в условиях голодного военного вре-

мени. Наш долгожданный приезд отец отметил небольшой дозой алкоголя. Даже мама слегка пригубила. Сестренка выпила стакан сока из лесных ягод.

Утром местный поезд, часто останавливаясь на полустанках, уносил нас в северном направлении. За окном проплывали таежные леса вперемешку с луговыми полянами, припорошенными снежной поземкой. В местах вырубок отступавшей к горизонту стены леса ютились небольшие промышленные городки и сельские поселения, с бревенчатыми избами преобладающей двухэтажной застройки.

Село Красные Орлы

В переезде немногословный отец короткими фразами поведал об уральской глубинке, в которой нам волею судьбы предстояло находиться. До революции маленькая станция называлась Бериккульская, а село в нескольких километрах – Ново-Александровка. Вокруг села на луговых выпасах трудолюбивые крестьяне создали ряд сельскохозяйственных артелей. После революции, в период коллективизации их объединили в коммуну «Красные Орлы». Так назывались в Гражданскую войну отряды Красной армии, действовавшие на Урале. Впоследствии в их честь были переименованы село и станция, на которой мы сошли.

Отец сказал, что нас должен встретить некий дед Агап, владелец тройной избы, в одной из которых мы будем проживать. На мой недоуменный вопрос отец объяснил, что это две самостоятельных избы, между которыми располагается общий крытый двор. Небольшая площадка перед крохотной станцией была заполнена подводами. Около одной из них стоял кряжистый пожилой мужичок в полушубке из овчины и такой же шапке. Окладистая борода делала его похожим на старовера, о самобытности которых я читал еще в школьные годы. Увидев нас, он быстрым шагом пошел навстречу. В нескольких шагах остановился, снял с головы шапку, обнажив большую лысину, низко поклонился и с улыбкой произнес:

– Добро пожаловать в наш сельский посад!

Мы уютно уселись в телегу на толстый слой соломы.

Старая кляча медленно и устало покатила ее по ухабистой, обледенелой грунтовой дороге. Вдали на фоне леса виднелись темные силуэты изб с живописно дымящимися трубами. Отец уселся рядом с Агапом, и оба затаились едким куревом, которое сразу вызвало у меня не очень приятные воспоминания. Вскоре мы въехали на одну из улиц села, застроенную, с большими разрывами, одно- и двухэтажными бревенчатыми избами. После белоснежных мазанок с крутыми соломенными крышами на Украине и каменных сельских строений в Ставрополье бревенчатые темные избы выглядели мрачновато. Первые впечатления всегда самые сильные и запоминающиеся.

Я, как будущий архитектор, пытался понять принципы создания искусственной рукотворной среды человеческого обитания. Первое, что попало в поле моего зрения, – разный уровень посадки строений по отношению к поверхности земли. Одноэтажные избы как бы приросли к земле и имели невысокие цоколи. Двухэтажные избы, напротив, высоко размещались над уровнем земли. Впоследствии, прожив некоторое время в селе, от деда Агапа и других ее жителей я узнал много интересного об истоках и особенностях возведения изб, а также о бытовых традициях и жизненном укладе коренных жителей.

Ближе к центру села дед Агап остановил телегу перед высоким частоколом из заостренных вертикальных тесин. Он был внешней границей крытого двора, к которому слева и справа примыкали две избы. В середине частокола размещались четырехстолбные ворота с боковыми калитками, наверху которых красовались резные изображения фантастических птиц с человеческими лицами. Дед Агап пояснил, что, по уральским поверьям, барельеф совы над калиткой оберегает от сглаза, а птица с мифическим именем Сири́н – символ благополучия.

Через открытые Агапом створки ворот мы въехали внутрь крытого квадратного двора. Навстречу вышла пожилая женщина, приветствуя нас низким поклоном. Это была Агафья, жена хозяина постройки. С вещами мы прошли во вторую избы, в которой предстояло жить. Впоследствии словоохотливая Агафья поведала, что изба эта предназначалась для младшего сына, который сейчас призван в действующую армию. Старший сын с семьей жил в Свердловске, где занимал довольно высокий (по местным понятиям) партийный пост. По лестнице, расположенной в зашитом тесом прирубе к избе, мы поднялись на второй этаж. Он

возвышался над невысоким нижним этажом хозяйственного назначения – подклетом, или подызбицей. Через неотопливаемые сени прошли в горницу, в углу которой высилась большая печь. К ней примыкали полати, на которых для нас уже были заботливо приготовлены спальные места. Под потолком на полках красовалась медная и глиняная посуда, фигурки птиц и животных, вырезанных из дерева, отливки иковки из металла. Интерьер просторной теплой горницы выглядел самобытно и уютно. Первым делом после дороги мы умылись и переоделись.

К ужину нас ждали Агап с Агафьей. Пройдя через двор, мы оказались в аналогичной избе (как в зеркальном отражении). В центре горницы был накрыт большой стол, щедро уставленный аппетитной сельской снедью. Агафья вручила нам практичные подарки – валенки, которые здесь назывались пимы. Маме она надела бусы из натуральных уральских самоцветов, в свою очередь мама подарила ей расписные украинские бусы и серебряное колечко из своей скромной ювелирной шкатулки, вывезенной во время эвакуации. Затем все уселись за стол. Агап всем, за исключением сестренки, налил по стопочке местного самогона, который запили квасом домашнего приготовления. После ухи с мелкорыбницей Агафья поставила на стол дымящиеся пельмени. Я впервые попробовал соленья из таежных ягод и грибов, а также сочные шаньги, которые Агафья вместе с ароматным хлебом выпекала в печи.

После обильного ужина стало клонить ко сну. Но Агап, поддержав разговор еще немного времени, повел раздельно женщин, а после них мужчин в баньку по-черному, которая отдельной клетью высилась на задворках вместе с другими хозяйственными постройками. Первая ночь в горнице уральской избы, пропахшей таежными травами, напомнила мне дорожный ночлег в калмыцком совхозе. Только нынешняя обстановка (присутствие отца, начало оседлой жизни) ни в какое сравнение не шла со всем, что пришлось увидеть и пережить за время эвакуации.

На следующий день ранним утром с отцом я отправился к месту его работы на вагранку. Для меня это было совершенно новое понятие. Отец объяснил, что так называются шахтные печи для плавки чугуна в литейном производстве. На территории под открытым небом находилась часть оборудования, которое успели вывезти с полтавского завода РЕМЗ. Оно должно быть задействовано в кратчайшие сроки, чтобы начать обрабатывать отливки снарядов и доводить их до полной готовности. Для этого требуется устройство укрытия в виде цеха с последующей установкой в нем токарных, фрезерных и других станков. Цех должен иметь большой пролет, стены из кирпича, прочные бетонные полы и фундаменты под это оборудование. В селе нашли пожилых умельцев, которые владеют не только топорами для рубки бревен, но и умеют класть кирпич. Они готовы приступить к работе в любое время. Остановка за чертежами, которые никто не умеет выполнять.

Отец испытующе смотрел на меня. Я сразу понял, какого ответа он ждет. Но... мечта в будущем стать архитектором – еще не повод без знаний и опыта создавать даже самый простой проект с минимальным набором необходимых чертежей! Кроме эскизных вариантов оформления школьного зала к окончанию учебного года, я совершенно не был знаком с методикой архитектурного проектирования. Поэтому мне требовалось время, чтобы подготовиться и выполнить первый в жизни проект, без которого цех построить невозможно – в отличие от изб, много веков подряд возводимых руками умельцев, и других, относительно небольших строений. Все это я после долгих раздумий изложил отцу на следующий день по пути к вагранке, которая находилась на краю села. Мы шли по широкой улице, застроенной с двух сторон схожими и в то же время разными по размерам и декоративному убранству избами. В голове промелькнула мысль, которая впоследствии стала девизом моей будущей профессии: «Единство – в многообразии». Прожив на Урале в вынужденном изгнании около

двух лет, я сумел приобрести ряд практических навыков, необходимых для первых шагов в необъятной области архитектурной деятельности.

Но на данном этапе нужно было начинать почти с нуля: составить хотя бы минимум архитектурно-строительной документации. Первое, что мне, чисто интуитивно, пришло в голову, – нужно в ближайшем городе приобрести техническую литературу по строительству. Второе – разыскать хотя бы отдаленный аналог чертежей цеха в какой-нибудь проектной конторе и получить надлежащую консультацию. Эти мысли я высказал отцу, когда, миновав проходную, мы оказались на территории вагранки. В двухэтажном здании правления мы прошли к директору, которого я не раз видел еще в Полтаве. После крепкого рукопожатия и расспросов о наших эвакуационных перипетиях сразу приступили к делу. Директор внимательно выслушал отца и, с улыбкой обращаясь ко мне, изрек:

– Я понимаю, что у тебя нет опыта на этом поприще. Но уверен, что ты быстро его приобретешь. Другого выхода нет. Время-то какое, сам понимаешь! Нужно в кратчайшие сроки возвести цех, да еще в условиях зимы. В правлении тебе выделят комнату. С завтрашнего дня зачислим в штат. А сегодня я свяжусь с директором угледобывающего комбината по соседству. Попрошу, чтобы тебе оказали помощь на начальной стадии проекта. Дерзай!

Мы попрощались. Отец сказал, чтобы я возвращался домой без него. Не исключено, что завтра, если директора договорятся, мы съездим в город Артемовский.

Вечером, вернувшись с работы, отец подтвердил предстоящую встречу в строительном управлении треста. Нам обещана необходимая консультация, подбор проектного аналога, технических пособий и нормативов. Сопровождать меня будет работник вагранки, назначенный директором ответственным за строительство цеха. Рано утром я познакомился с ним. Он оказался башкиром по имени Айдар.

Агап отвез нас на полустанок. Через час местный поезд подъехал к конечной станции Егоршино. До города было несколько километров. Дорога пролегла через небольшой, поредевший из-за вырубок лес. Сам город показался мне безликим и унылым. Разноэтажная деревянная и кирпичная застройка с небольшими окнами на полуоблупившихся фасадах не радовала глаз. На центральной площади, по отработанному градостроительному принципу формирования небольшого советского города, сгруппировались службы местных органов власти, а также здание основного кормильца населения – треста «Артемовскуголь». В нем размещалось строительное управление, где нас уже ждали. Секретарь доложила начальнику о нашем приходе. Он с любезной улыбкой и крепким рукопожатием поприветствовал нас. Айдар еще в дороге кратко рассказал о нем. Поэтому психологически я немного был готов к предстоящей встрече. По словам Айдара, начальника управления – коренного одессита, участника Гражданской войны – судьба забросила на Урал. Мне еще не доводилось бывать в Одессе, но своеобразие говора я почувствовал сразу:

– Итак, молодой человек, рад с вами познакомиться! Моя фамилия – Русскинд. Да, да, не перепутайте! Есть еще фамилия Русских, это директор нашего комбината. Нас двоих легко запомнить, но главное – не перепутать... Бывали и такие случаи в этом безвестном городе, припорошенном угольной пылью... А имя мое Леонид. Как у эстрадного артиста Утесова, фильм «Веселые ребята» помните? Мы с ним задавали такого жару на Дерибасовской! Нас знала вся Одесса! Да, вся... Вот было времечко! Ну да ладно. Сейчас пригласим единственного архитектора на весь район и поскорее приступим к делу.

Он позвонил по внутреннему телефону. Вскоре в кабинет вошел высокий худощавый мужчина среднего возраста и представился: Геннадий Савельев. На большом столе он развернул кальку. Обращаясь ко мне, пояснил:

– Это выкопировка из генерального плана территории вагранки. Вот ее границы и возможная зона расширения. Жирный контур – все существующие постройки, а цветные линии с условными обозначениями – инженерные сети. Обратите внимание на нижний пра-

вый угол чертежа: там обязательный штамп с реквизитами объекта и обозначен масштаб застройки – 1:200. Определив габариты цеха согласно технологическому плану расстановки оборудования, с учетом проездов, в этом масштабе следует сделать несколько вариантов посадки цеха. Это, конечно, только начало сложной, многоступенчатой работы архитектора со смежными специалистами. Радуйтесь, что у вас появилась редкая возможность попрактиковаться уже сейчас – до начала учебы в вузе. Не стесняйтесь. Задавайте любые вопросы. Мы будем вам помогать всем, чем сможем. Ведь это очень ответственный заказ!

Откровенно говоря, я был в растерянности. Первое чувство: полная беспомощность. Ни опыта, ни профессиональных знаний! И я боялся, что не справлюсь и подведу всех, включая отца, который из лучших побуждений привлек меня к такой ответственной и серьезной работе. В памяти всплыл эпизод с ПУАЗО и слова начальника: «Если почувствуете, что не по Сеньке шапка, не стесняйтесь, сразу скажите». Но тогда мне удалось не ударить лицом в грязь. А сейчас... Но отступать нельзя: у меня же редчайшая возможность проверить себя в настоящем деле! В архитектуре! Тем более обещана помощь и поддержка! Все эти мысли стремительно проворачивались в голове. Старшие, наверное, почувствовали мое состояние. Геннадий, ободряюще похлопав меня по плечу и перейдя на «ты», произнес:

– Не сомневайся, все получится. Не боги горшки обжигают! Еще раз повторяю, помощь в любое время дня, а если экстренно потребуется – и ночи, окажем непременно.

Я почувствовал, что перескочил через внутренний Рубикон неуверенности и сомнений. К счастью, от родителей мне передалась важная черта характера – упрямо и настойчиво двигаться к намеченной цели, не раскисая и не отвлекаясь на мелкие нюансы. Это очень помогло мне в последующей самостоятельной жизни.

Мы собрались в обратный путь. Геннадий вручил мне в конце визита полный набор чертежных принадлежностей, рулон ватмана и кальку, а также технические пособия по строительству. Навьюченные и уставшие, мы к вечеру сошли с поезда на нашем маленьком полустанке. Было холодно, начался снежный буран, быстро темнело. К счастью, на площадке стояло несколько подвод, владельцы которых подрабатывали перевозкой пассажиров в село. В теплой избе меня ждал вкусный ужин, на который я набросился с нескрываемым аппетитом. Насытившись, подробно рассказал отцу о результате поездки в Артемовский.

Будни уральской вагранки

На следующий день, как было обещано директором, мне выделили небольшую комнату в управлении вагранки. Рабочий стол я поставил так, чтобы естественный свет падал с левой стороны – с учетом моего ограниченного поля зрения в результате травмы правого глаза. Под чертежную доску, для придания ей необходимого угла наклона, из обрезков досок я сколотил примитивную подставку. Для ускоренного выполнения чертежных работ мне выделили помощницу по имени Ксения. Она окончила строительные курсы и умело выполняла копировальные работы. Во второй половине дня прошла встреча с главным технологом вагранки. Для определения размеров цеха он передал нам перечень различных станков, подлежащих установке.

Ксения быстро вырезала из тонкого картона габаритные прямоугольники предполагаемых станков в нужном масштабе. Втроем мы стали их группировать и расставлять на ватмане, с учетом проходов и проездов. К вечеру следующего дня с участием главного технолога были отработаны три эскизных варианта планировки цеха. Кроме основной производственной площади, по нормативным требованиям мы должны были предусмотреть также соответствующие вспомогательные службы (раздевалки, душевые и туалеты). Определившиеся габариты цеха Ксения также вырезала из тонкого картона в масштабе схемы генерального плана. Мы просмотрели все возможные варианты его размещения на свободной от застройки территории с учетом сохранения существующих инженерных сетей.

По нашей просьбе директор собрал Совет, в который входил и мой отец. Всех устроил вариант не отдельно стоящего цеха, а пристройки к торцу существующего здания. Директор его одобрил. Он даже похвалил наш творческий дуэт. В школе меня бы распирало тщеславие от такой похвалы. А сейчас я испытывал лишь приятное ощущение от своей нужности, отмеченной директором, хотя это был только крохотный первый шаг к моей будущей профессии. Все, что происходило в последующие дни и недели, спрессовалось в шесть месяцев круглосуточного, трехсменного, сверхчеловеческого труда. Причем в самый неблагоприятный для строительства зимний период.

В военное время многоступенчатый бюрократичный процесс сбора исходных данных, изысканий, разработки в несколько стадий комплексного проекта, согласования и последующего строительства был неприемлем. В мирное время возведение даже простейшего сооружения с учетом прохождения всех этапов занимает, как правило, несколько лет. Поэтому строительство цеха шло по принципу единовременного совмещения всех составляющих этапов без обычных рассмотров и согласований.

Благодаря опытным инженерам строительного управления «Артемовскуголь» с небывалой скоростью были выполнены расчеты фундаментов и несущих конструкций цеха. Без промедления начался прогрев промерзшего грунта и рытье котлована под бутобетонный фундамент. На предприятии строительных конструкций в Артемовском стали вне очереди изготавливать элементы металлического каркаса и фермы покрытия цеха.

Другие конструкции выполнялись в разных местах по ускоренному графику. На небольшой станции Азанка разместили заказ на деревянные рамы для окон цеха. Их размеры я впервые сам определил по светотехническому расчету.

Во время одной из поездок в Азанку я опоздал на проходящий поезд. Поэтому томительные часы, показавшиеся мне вечностью, пришлось коротать в полутемном здании грязного вокзала. Несколько личностей бродячего вида похрапывали на скамейках. Кряжистый мужик с окладистой бородой, нырнув в большой открытый чемодан, с аппетитным громким чавканьем ужинал. Затем запил съеденное спиртным из темной бутылки. Насытившись и рыгнув несколько раз, отметился громогласным храпом. Запахи съестного буквально разры-

вали мою вечно голодную утробу. Минуты казались вечностью. Все спали. И наконец я не выдержал.

Это было, пожалуй, мое самое серьезное «преступление» за военные годы. Тихо подкравшись, я запустил руки в чемодан, который бородач так и не закрыл. Несколько больших кусков хлеба, сала и колбасы стали моей добычей. Опрометью я выскочил наружу. В считанные минуты, быстрее даже удава, проглотил все. И в состоянии полного счастья неторопливо вернулся обратно.

Незадолго до прихода поезда я решился разбудить бородача. Он пробурчал, протирая глаза:

– Спасибо, сынок, за побудку, мог бы проспаться поезд. Когда выпью, сразу отключаюсь.

Я решил, что мне дико повезло. Иначе он непременно меня отлупил бы за попытку своровать, что плохо лежит...

С моей помощью осовевший мужик сел в поезд. Конечно же, не был забыт и «вкусный чемодан». В полупустом вагоне мужик раскрыл чемодан и удивился:

– Надо же! Под самогон почти все слопал! Ну да ладно, давай прикончим то, что осталось.

Я стыдливо отвел глаза в сторону. Но есть все равно хотелось. Мы отужинали остатками снеди (ее было не так уж мало). Напоследок бородач уговорил меня глотнуть самогона. В тот момент он не показался мне таким уж омерзительным...

С моим попутчиком мы дружески распрощались. Он поехал дальше. Оказавшись слегка навеселе на родном полустанке, я все же благополучно дошел до дома. Мама, конечно, не спала и с тревогой ожидала моего возвращения. Но еще больше она удивилась, когда я решительно отказался от ужина. Заплетающимся языком я произнес:

– На ночь... есть... вредно!

– Это что-то новое, сынок! Ложись-ка скорее спать!

Мудрая мама без дальнейших комментариев бережно уложила меня спать и нежно поцеловала на сон грядущий...

Утром, в привычном режиме, я отправился с отцом на вагранку. Эпизод с чемоданом на станции Азанка всплыл в моей памяти только во время написания этой книги – почти семьдесят лет спустя!

Меня настолько переполняло чувство ответственности и интереса к порученной работе, что я до полуночи пропадал на стройке и за чертежной доской. Почти ежедневно приходилось выезжать в Артемовский для участия во взаимоувязке всех частей проекта и внесения на ходу неизбежных поправок и изменений. Мой сон сократился до пяти-шести часов. Я вскакивал, преодолевая сильное желание продолжать сон. Быстро умывался, проглатывал на ходу завтрак и мчался на вагранку или на полустанок к первому поезду. Общаюсь с опытными инженерами и сельскими строителями-практиками, я с жадностью проглатывал каждое высказывание, которое могло пополнить пока еще скудный объем знаний в области проектирования и строительства. Все это прочно оседало в моей цепкой памяти. Появилось больше уверенности в аргументации при отстаивании своей позиции по тем или иным вопросам. К величайшему огорчению, мой первый опытный наставник и консультант Геннадий Савельев был отозван в Свердловск. Поэтому мне пришлось полностью переключиться на нормативно-справочные источники и техническую литературу.

Цех был запущен в эксплуатацию через шесть месяцев от начала земляных работ. Три бригады сменяли друг друга по скользящему графику в условиях жестоких морозов, злых ветров, обильных снегопадов. Бригады состояли из местных умельцев, деда и прадеды которых в далеком прошлом переселились из различных губерний. Возглавлял бригады прораб по имени Вагиф: опытный строитель и единственный, имеющий среднее техническое образование. Общее дело нас очень сблизило, несмотря на значительную разницу в возрасте.

Он по-доброму меня подначивал, вспоминая сказочные изречения Бажова: «Что, Данила-мастер, выходит твоя архитектурная чаша?» Я в унисон ему отвечал: «Что, кудесник Вагиф, быстро ты слепил эту чашу?»

Питались они артелью. Однажды на строительной площадке появилась молодая доярка из местного колхоза со странным именем Клуша. Она рассорилась с председателем, и он отстранил ее от работы. Вагиф в шутку спросил:

– А почему одна пришла, без коровы?

Клуша, видимо, не очень разбиралась в шутках и серьезно ответила:

– Если бы я знала, привела бы собственную корову.

Вагиф в той же шутливой форме сказал:

– Это поправимо. Только боюсь, что она нас всех забодает.

Клуша опять не поняла шутку и в том же серьезном тоне ответила:

– Нет, не забодает. Она у меня очень смиренная.

На этом диалог закончился. Вагиф деловито предложил ей стать поварихой и обслуживать всю артель из трех бригад. Первую смену она кормит, вторая и третья смены сами разогревают то, что приготовлено ее умелыми руками. В заключение Вагиф резюмировал:

– Если ты согласна, завтра с утра ждем тебя. Только не вздумай корову приводить. Пусть стоит в стойле и жует сено, чтобы молока было побольше. Вот его приноси. Мы сбросимся все тебе на зарплату и дополнительно на молоко. Кстати, того гляди – может быть, среди нас, добрых молодцев, жениха себе подберешь.

Клуша ответила все так же серьезно:

– Согласна на ваши условия. Готова быть поварихой и поить вас парным молоком. А если кому из холостых понравлюсь и он мне тоже, буду верной женой.

Я примкнул к коллективной харчевне на равных условиях. Моя стабильная на период строительства цеха зарплата позволяла это. Большую ее часть я отдавал маме в общий семейный бюджет. Оставшиеся деньги тратил в основном на покупку книг по архитектуре и строительству. Во время частых выездов в Артемовский не забывал привезти уральские сладости для сестренки. Иногда успевал заскочить на городской базар, где приобретал у местных бабушек теплые носки, рукавицы и другие нужные вещи для родителей. Я видел, как трогало их проявление внимания и заботы от неуправляемого шалопая в недалеком прошлом. С отцом за короткий период совместного пребывания на Урале установились совершенно новые отношения, основанные на мужских, глубоких и немногословных, чувствах и полном взаимопонимании.

Тем временем зима медленно и неохотно сдавала свои позиции. Солнце все чаще разрывало серую плотную пелену облаков и из образовавшихся голубых окошек нежно обволакивало своим теплом истосковавшихся людей. Наступил долгожданный день завершения строительства и ввода в эксплуатацию цеха. По установившейся традиции был проведен митинг с выступлениями директора, партийного и профсоюзного лидеров. Директор перерезал красную ленточку, и вся людская масса хлынула внутрь цеха. Даже солнце решило поучаствовать в этом торжественном событии. Оно щедро запустило через окна в наружных стенах и светоаэрационный прямоугольный фонарь среднего пролета яркие слепящие лучи. Не верилось, что совсем недавно на месте цеха был бугристый замусоренный пустырь.

Всем участникам ускоренного строительства приказом директора была объявлена благодарность и выплачены премии. Я также вошел в их число. Для более узкого круга устроили скромный банкет, на который пригласили Вагифа и меня. Отец восседал рядом с директором и время от времени поглядывал на меня с доброй и, как мне показалось, счастливой улыбкой. Тосты были за скорый перелом войны.

Но потряс меня неожиданный тост директора уже ближе к завершению банкета. Он предложил выпить персонально за Вагифа и меня. Пожелал нам дальнейших строительных

успехов. Я сильно смутился и даже низко опустил голову, как в школьные годы, когда подвергался словесной «порке»... что делать, к похвалам я не привык.

На следующий день с нескрываемой грустью пришлось освободить уютную комнату, где долгую зиму провел в состоянии небывалого творческого порыва при рождении своего первого архитектурного детища. Мне нужно было определиться, чем заняться дальше.

По дороге с работы отец высказал твердое желание, чтобы я после вынужденного перерыва продолжил учебу. Он предлагал завершить школьное или получить среднее техническое образование по архитектурно-строительному профилю. Не исключалась также попытка поступления в вуз. Этот вариант он считал наиболее приемлемым, поскольку из-за войны в вузах был катастрофический недобор. А мой, пусть и небольшой, жизненный и практический опыт давал больше шансов, чем обычным абитуриентам.

Я с отцом полностью согласился, хотя сам больше склонялся к продолжению учебы в техникуме с архитектурным уклоном. Такой как раз был в Артемовском. Учеба в нем позволяла бы чаще навещать родителей. А поскольку до предполагаемой учебы оставалось еще много времени, я изъявил желание заняться полезным делом и, соответственно, немного подзаработать. Отец с пониманием отнесся к этому. Он перечислил возможные варианты временной работы: подготовка специальных форм (так называемые «опоки») под заливку в литейном производстве либо освоение одного из видов станочного оборудования.

Окончательное решение пришло неожиданно. Все три бригады во главе с Вагифом временно остались без работы. Молодые работники стали получать извещения из районного военкомата о предстоящем призыве в армию. Оставшиеся, по ежегодной традиции, решили в начале весны податься на лесозаготовки Северного Урала в таежные леса Туринска и Тавды.

Таежная глубинка

Вагиф предложил мне поехать с ними. Он и раньше рассказывал мне о сезонных выездах целыми артелями на лесозаготовки. Труд это нелегкий, с физической нагрузкой, бытовыми неудобствами. Однако он не лишен романтики и способствует всесторонней закалке. «Это занятие для сильных духом и телом людей», – заключил Вагиф.

Когда я поведал родителям об этом, отец пожал плечами:

– Тебе решать. Ты уже взрослый.

Мама разволновалась и стала отговаривать. Включилась в разговор и сестренка. Она весело закричала:

– Возьми меня с собой! Это так интересно! Я буду помогать пилить и таскать бревна.

На следующий день, как бы мимоходом, в гости наведалься Вагиф. Разговор невольно переключился на предстоящий отъезд в глубь таежных лесов. Он подробно и успокоительно поведал маме о специфике предстоящих работ. Заверил, что я буду постоянно находиться под его наблюдением. А первое время мне будет поручена работа по замеру и определению объема заготовленной древесины. От ее точности зависит сдельный заработок всей артели. Постепенно меня начнут привлекать и к посильному физическому труду. В заключение Вагиф сказал:

– Не волнуйтесь, от этой работы за многие годы никто не заболел. Возвращались все окрепшие и с деньгами.

В ходе нашего обсуждения я вдруг вспомнил о директоре лесхоза из Туринска, с которым нас свела судьба при переезде из Астрахани на Урал. Он тогда, то ли в шутку, то ли всерьез, под новогодние тосты предложил приехать к нему поработать. При нашем расставании на клочке бумаги даже оставил свои координаты. Я ее сохранил и показал Вагифу. Он прочитал и оживился.

– Мы знакомы с ним уже давно. Наши артели трудятся на территории, которая относится к руководимому им лесхозу. При первом знакомстве он говорит, что у него и у Чапаева совпадают имя и отчество. Разница в том, что Чапаев лихо рубил головы, а он лихо руководит рубкой леса.

Мы с мамой переглянулись и рассмеялись. Ведь нам он представился в вагоне точно так же.

Получив в итоге родительское благословение, я в составе бригады Вагифа отправился в таежную глубинку. Конечным пунктом поездки был город Тавда. По пути мы проехали Ирбит и Туринск. За окном вагона медленно проплыла их живописная силуэтная застройка с выразительными маковками церковных строений. Я сказал Вагифу, что мне хотелось бы побывать там. Он ответил, что это вполне возможно. Через несколько недель после начала работ на лесосеке ему предстояло съездить в эти города для заключения договоров на перспективу. Меня он обещал взять с собой. И с лукавой улыбкой объяснил:

– Во-первых, ты поможешь мне с бумажной рутинной для чиновников-пройдох. Им палец в рот не клади! Во-вторых, тебе, как будущему архитектору, интересно будет ознакомиться с этими старинными городами. А в-третьих, мы твой день рождения отметим не только на лесосеке с нашей братвой, которой дай только повод упиться, а культурно в ресторанчике. Выбирай: в купеческом Ирбите или городе декабристов – Туринске. Ведь семнадцать лет бывает только один-единственный раз!

Я был тронут его вниманием ко мне. Даже про мой день рождения в мае он каким-то образом узнал и запомнил. За разговорами я успевал налюбоваться необыкновенно богатой и разнообразной природой Северного Урала. Время текло незаметно. Все реже за окном

вагона проносились небольшие селения с луговыми пролысинами вырубок и белыми вкраплениями нарастающего снега в низинах.

Бесконечная приближающаяся или отдаляющаяся линия лесов постепенно уступила место протяженным окраинам с хаотичной, невыразительной чересполосицей жилой и промышленной застройки вдоль широкой реки. Я понял, что мы подъезжаем в Тавде. На перроне вокзала бригаду ожидал представитель лесосеки, на которой бригада трудилась ежегодно в весенний период рубки деловой древесины. После рукопожатий и слов приветствия на грузовых машинах с сиденьями мы через весь город отправились к месту работы. Поскольку время подкрадывалось к вечеру, промежуточный ночлег решили провести в селе Герасимовка.

Вагиф, который на всем пути добровольно выполнял обязанности гида, сообщил, что в нем родился и погиб от рук кулаков легендарный Павлик Морозов. Поэтому это таежное село известно всей стране. После ночлега, по просьбе Вагифа, экскурсовод села заученными наизусть, рублеными фразами рассказала историю его короткой жизни. О ней я знал еще со школьной скамьи. Затем показала избу, в которой Павлик жил с родителями, небольшой музей его имени и памятник перед сельской школой. После экскурсии, по ухабистой, размокшей от весеннего тепла грунтовой дороге бригада за несколько часов достигла лесной поляны с несколькими деревянными строениями. Они должны были стать нашим временным пристанищем.

Быстро и привычно бригада разместилась в них и, не теряя времени, по-деловому направилась осматривать и оценивать делянки, подлежащие вырубке. Помню, я с сожалением и грустью смотрел на этот пробуждающийся, жадно впитывающий весеннюю влагу лес. Ему, как живому организму, вскоре суждено погибнуть от беспощадных действий людей. Но вскоре от этих мыслей отвлек Вагиф: он стал показывать, как я должен, без права на ошибку, выполнять свои новые обязанности. Продемонстрировал он это на первых спеленных деревьях, с треском рухнувших на землю. Мне выдали толстую специальную тетрадь, где нужно было фиксировать результаты замеров по линейным и объемным показателям.

Работа кипела с раннего утра до позднего вечера. Удивляли выносливость, закалка, неприхотливость и нравственная чистота коренных жителей, с которыми связала меня судьба. С белой завистью я наблюдал, как часами, без видимой усталости, они выполняли тяжелую физическую работу по распилу и очистке древесины. При этом их упругие, выпуклые, оголенные мышцы рук как бы вздувались и двигались в ритме движений. В перерыве между замерами я начал приобщаться к физической работе. Усталость нетренированных рук и остальных мышц приходила очень быстро. Напарники с пониманием относились ко мне, стараясь часть моей нагрузки умело взять на себя. Постепенно я стал втягиваться и с разумной экономией расходовать силы. С радостью ощущал, что мышцы мои понемногу крепнут. И не только мышцы.

Благотворный таежный воздух, еще не наполненный гнусом, комарами, слепнями и другими мучителями людей, не менее благотворно действовал на мое общее физическое состояние. Кроме того, тайга-матушка щедро заботилась о нашем ежедневном пропитании. Вокруг было много естественных озер, рек, заболоченных низин. В чистой, еще не изгаженной воде, окруженной таежной растительностью, водилось много разнообразной живности. Лесорубы знали все тропы, ведущие к топким берегам. Сети забрасывались в проверенных местах обитания нельмы, тайменя, щуки, язя, карася и других очень вкусных рыб. Ставились ловушки в местах скопления зайцев. Из Герасимовки пригласили знакомую старушку, которая охотно согласилась подработать в качестве поварахи. Мне это напомнило эпизод с Клушей во время строительства цеха. Только Клуша прибилась к нам случайно, из-за ссоры

с председателем колхоза, а серьезная и мудрая старушка уже не первый год обслуживала бригаду на лесосеке.

Постепенно расширялись мои познания о целевом использовании различных видов древесины. Я стал немного разбираться (с помощью Вагифа) в многообразии таежной природы. Меня восхищало гармоничное соседство пихт, сосен, берез, кедров, осин, лип и других пород деревьев. Море самых разных кустарников и трав помогало людям излечиваться от различных болезней. К примеру, я давно обратил внимание, что между дощатой обшивкой потолка и выступающей несущей балкой (ее называли матица) в жилище Агапа заложены высохшие ветки можжевельника и чертополоха. Агап с серьезным видом объяснял, что это мешает хвори проникнуть внутрь. Такие поверья сопровождали все помещения избы от входных сеней до горницы, светелки, стряпущей и даже хозяйственного подклета. Поэтому всюду свисало или пряталось за предметами домашнего обихода и нехитрыми украшениями засушенное ароматное разнотравье. Вера в его исцеляющие свойства, думаю, была не беспочвенна.

Несмотря на тяжелые условия жизни и раннее приобщение к физическому труду, хроническую бедность, коренные сельские аборигены Урала отличались завидным здоровьем и долголетием. При появлении каких-либо признаков болезней принято было обращаться к матушке-природе.

Вагиф рассказал, что на лесосеки, как правило, выезжают круглый год. Но наибольшее значение имеет зимняя рубка сосны и ели. В основном именно из этих пород деревьев ставились избы. Работа зимой связана с тем, что только в это время года в деревьях нет сокодвижения. Его отсутствие служит одним из главных условий долговечности избы, особенно ее наружных стен. Клетки изб, как правило, ставили ранней весной.

Правда, все изменилось с войной. Многие села стали малолюдными с уходом мужиков на фронт. Возведение традиционного жилья почти прекратилось.

Май выдался на редкость теплым. Снег растаял даже в теневых низинах. Ноги в высоких резиновых сапогах с чавканьем проваливались в разжиженный грунт. Лесовозы разворотили все дороги к лесосеке. Все чаще стали напоминать о себе назойливые любители лакомиться человеческой кровью. Просыпался знаменитый таежный гнус.

Как было обещано, в один из дней Вагиф напомнил, что вскоре мы отправимся в Туринск и Ирбит. Я очень обрадовался. В тот же день написал родителям очередное письмо, где рассказал о предстоящей поездке. Переписка между нами была регулярная. Чтобы их не волновать, в письмах с преувеличенным оптимизмом описывалась жизнь на лесосеке.

Туринск, Ирбит, Тавда

Первым пунктом нашей деловой поездки был Туринск. После унылой Тавды город произвел приятное впечатление. Он живописно вписался в сложный холмистый рельеф и вытянулся вдоль реки Туры. В застройке преобладали старинные деревянные здания усадебного типа, в которых в прошлые столетия проживали купцы и богатые горожане. Сохранились растительные орнаменты карнизов, наличников окон, дверей и других архитектурных элементов фасада, выполненные методом прорезной резьбы. Некоторые орнаменты изображали в стилизованной форме различных птиц и животных. Это декоративное убранство получило на Урале название «звериный стиль».

История города, который возник в качестве острога и поселения ямщиков на знаменитом Сибирском тракте, связана с пересыльной тюрьмой и декабристами. Многие из них здесь отбывали ссылку, среди прочих – носители известных фамилий: Анненков, Пущин, Оболенский. Некоторые декабристы нашли в холодной уральской земле последнее упокоевание. В советское время в городе был создан музей и разбит мемориальный парк. Недалеко от него, как напоминание о тех жестоких временах, высилась мрачная глыба пересыльной тюрьмы для государственных преступников на долгом пути к месту ссылки.

Вагиф доверительно, полупшепотом сообщил, что сейчас тюрьма переполнена зэками. Ходили слухи об изощренных издевательствах охраны. А за пределами города есть огороженное место, куда никого не пускают. Там безымянное кладбище, где с жутким постоянством хоронят заключенных.

Во второй половине дня мы навестили Василия Ивановича. Он меня сразу узнал. Расспросил о маме и сестренке. Узнав, что я работаю в бригаде Вагифа, поморщился и напомнил наш разговор при первом знакомстве в вагоне поезда:

– Я предлагал тебе работу в моем управлении. Почтище и оплата повыше. Через пару недель мошкара заест на лесосеке! Вагиф и его команда – бывалые ребята. У него пруд пруди рубщиков. Сила есть – ума не надо. А мне не хватает грамотных ребят. Почти всех призвали в армию... – Он прервал свой длинный монолог. Лицо его как-то сразу осунулось. Дрогнувшим голосом тихо произнес: – У меня ведь оба сына на войне. Давно нет весточек. Жена сходит с ума от беспокойства. Ночи не спит. Да и я с ней заодно. Ну да ладно. Не будем о грустном. Даст Бог, сыновья живыми вернуться...

Секретарь принесла на подносе чай со сладостями, Василий Иванович и Вагиф перешли к деловой части встречи. Я молча прислушивался к их переговорам. Многие высказывания были мне малопонятны. Вагиф попросил меня внимательно прочитать бумаги, подлежащие обоюдному согласованию. Проверить, нет ли грамматических и синтаксических ошибок. Я нашел несколько опечаток и неудачных выражений. После внесения исправлений документы были скреплены подписями и печатями. Мы тепло распрощались.

Ближе к вечеру проходящий поезд довез нас до Ирбита. Переночевали в небольшой гостинице. По словам Вагифа, он всегда останавливался здесь во время деловых выездов. Первую половину следующего дня провели в переговорах и заключении договоров на перспективные рубки в различных лесосеках. Как и при первой встрече с Василием Ивановичем в Туринске, я перечитывал деловые тексты на предмет их грамотного построения и отсутствия грамматических ошибок. Во второй половине дня после обеда в неудобной, грязноватой столовой с ассортиментом блюд военного времени Вагиф стал показывать мне городские достопримечательности.

Старейшая на Урале Ирбитская слобода получила статус города указом Екатерины II за помощь жителей в борьбе со «злодейскими шайками» Пугачева. Здесь была создана огромная ярмарка, которая по своим размерам и значимости уступала только Нижегородской.

Мы до позднего вечера прогуливались по центральной части города. Старинные каменные постройки с облупившимися, а местами полуразрушенными фасадами даже в таком виде напоминали о былом величии и размахе градостроительства в те далекие времена. Мы прошли по длинной торговой улице, которую горожане называли «Невским проспектом» Ирбита.

Мне трудно было судить, насколько название правомерно, так как понятие о Невском в те годы у меня ограничивалось видовыми открытками, повестью Гоголя и отрывочными сведениями из архитектурных источников. Но визуальная цельность широкой и прямой торговой улицы с силуэтной застройкой монументальными зданиями провинциально-купеческого стиля вызывала схожие ассоциации. Особо сильное впечатление на меня произвели гостиный двор с ритмом арок и внутренними площадями, торговые ряды, театр, здания бывшей городской управы, женской гимназии, почты. Они сгруппировались на Большой торговой площади в едином ансамбле, к счастью не нарушенном вкраплениями построек советского периода.

Градостроительную значимость и продуманную объемно-пространственную планировочную структуру этого небольшого, но удивительного города я сумел оценить уже в зрелом возрасте. С северными регионами «морским узлом» связала меня творческая судьба. Во время частых командировок на Урал и Западную Сибирь не упускал возможность посетить Ирбит, к которому прирос всем сердцем. Только раз от раза все больше огорчался внешним видом талантливого творения ума и рук наших далеких предков – запущенного, хиреющего, разрушающегося...

После многочасовой прогулки по городу я на следующее утро проснулся непривычно поздно. Вагифа в гостиничном номере не было. Пробуждающееся сознание напомнило, что сегодня первый день моего семнадцатилетия. С огорчением подумал, что заранее не сообразил этот день провести с родителями и сестренкой вместо поездки в Туринск и Ирбит. Ведь нас разделяло небольшое расстояние – в пределах двух часов езды на поезде. Вспомнилась поговорка: «Хорошая мысль приходит опосля».

После утреннего моциона я стал дожидаться Вагифа, чтобы спуститься вниз, в буфет к завтраку. Вскоре за дверью со стороны коридора раздались голоса. Когда дверь широко открылась, я не поверил своим глазам. На пороге, как в нереальном сновидении, но наяву, стояли родители с Яной, а сзади – Вагиф. Рыжекудрая сестренка бросилась ко мне с поздравлениями. За ней последовали родители. Замкнул церемонию поздравления Вагиф. Для меня их приезд был сказочным, совершенно неожиданным сюрпризом. Все было продумано заранее.

Еще до отъезда в Тавду отец с Вагифом договорились о встрече моего дня рождения в Ирбите. Поэтому в назначенное время он не стал меня будить и отправился на вокзал встречать гостей один. Отец после недолгих расспросов подарил мне очень ценный по тем временам подарок – наручные часы, на которые я не мог налюбоваться и то и дело на них поглядывал. Мама с улыбкой надела мне модную молодежную кепку и связанный ею шарф. Очень рассмешила сестренка. Не умея рисовать, она изобразила цветными карандашами подобие брата, держащего в одной руке топор, в другой руке – пилу. А вокруг много падающих елей с шишками. Думаю, не без помощи мамы Яна вывела цифру «семнадцать». На пол-листа бумаги красным карандашом написала главное слово: «Поздравляю». И чуть мельче – детским корявым почерком стишок:

Из леса сестре-малышке
Привези кедровые шишки.

Отец с улыбкой заметил:
– Вся в тебя: любит рифмовать слова.

Вагиф в свою очередь крепко пожал мне руку и вручил конверт:

– В бригаде традиция – на день рождения сбрасываться. Используй по своему усмотрению.

Мы спустились в буфет, отведали пельмени по-ирбитски и совершили короткую прогулку по городу. На этот раз роль экскурсовода я взял на себя, используя вчерашнюю информацию Вагифа и краткий путеводитель по Ирбиту. После семейного обеда с горячительными напитками в старинном зале гостиного двора мы все отправились на вокзал. С небольшой разницей во времени поезда унесли нас в противоположные стороны. Я дал обещание родителям ориентировочно через три недели окончательно вернуться в село Красные Орлы к пятилетию сестренки. Отец напомнил, что к концу лета предстоит мой отъезд в Свердловск для продолжения учебы.

На лесосеке последующие три недели я продолжал трудиться в привычном, уже отработанном режиме. Правда, стала назойливее допекать кровожадная мошкара. Тяжелее стало дышать от застойного теплого воздуха и болотных испарений. К вечеру сильно уставал не только я, но и бывалые, закаленные лесорубы.

Возвращение в Красные Орлы

В условиях нарастающего, как это ни парадоксально звучит, летнего дискомфорта приблизился день моего отъезда. Накануне мне устроили теплые проводы. За время строительства цеха и работы на лесосеке я сильно привязался к доброй и душевной команде Вагифа. Поэтому радостное ожидание возвращения к родителям смешалось с грустным ощущением прощания с людьми, которые стали для меня эталоном порядочности и трудолюбия. Особенно тяжелым было расставание с Вагифом. Он, как родной человек, ненавязчиво опекал меня и за короткое время способствовал всестороннему возмужанию.

В Тавде рядом с вокзалом находился местный рынок и небольшие магазины. До отхода поезда я успел купить сестренке ко дню рождения два платяца с кружевами, большую сумку с кедровыми орешками, а также различные сувениры родителям. К вечеру вышел из поезда на знакомом полустанке. Перед ним, как всегда, в ожидании пассажиров стояло несколько подвод. Одна из них до наступления сумерек доставила меня к пристанищу родителей. Я сознательно не уведомил их о дне приезда, чтобы лишний раз не беспокоить. Отец еще был на работе. Я не стал дожидаться дня рождения сестренки и сразу вручил ей подарок. Она стала примерять платяца, выражая нескрываемый восторг громким визгом на всю избу. После примерки лукаво на меня поглядела и с хитринкой спросила:

– А что еще ты мне привез? Забыл, о чем я тебя просила?

Я сделал вид, что не помню.

– А в сумку можно заглянуть?

– Раз ты такая любопытная, открой и посмотри.

Последовала очередная волна визга. Ее руки погрузились в душистую массу кедровых орехов вперемишку с шишками. Не теряя времени, словно рыжая белочка, с которой ее роднил цвет волос, Яна стала быстро поглощать орешки.

Около большой печи мама радостно суетилась, готовя ужин. Наконец, улучив минутку, она присела. Я подошел к ней и стал расспрашивать, как им с отцом удается сводить концы с концами. Ведь тогда были введены продовольственные карточки на основные товары. Мама поведала, что в селе создано карточное бюро, в котором все его население, включая приезжих, поставлено на учет. Нашей семье выдано четыре карточки. Отоваривают их в местном магазине. Дополнительно на вагранку, которая производит оборонную продукцию, поступают продукты по специальной разрядке. Кроме того, всем желающим для самообеспечения овощами стали выделять земельные наделы под огороды. Для нашей семьи (как и для многих в те времена) это было спасением. Особенно учитывая необходимость витаминизации сестренки. Поэтому родителям, в основном маме, много времени приходилось проводить на огороде, занимаясь непривычным физическим трудом.

После ухода в армию почти всех трудоспособных селян многие женщины вынуждены были осваивать непривычные мужские профессии. В первую очередь это коснулось единственного предприятия на селе – вагранки. Маму направили в отдел технического контроля (ОТК), принимать к отправке готовую продукцию. Глядя на ее уставшее, красивое лицо с сеткой ранних морщинок вокруг больших и грустных глаз, я напряженно думал, как снять с нее, хотя бы частично, бремя забот. В итоге предложил отводить и забирать сестренку из детского сада, затем – сменить ее на работе в ОТК. И, конечно, помочь в уходе за огородом.

Мама нежно погладила мои непокорные кудри и приняла предложение, но с оговоркой. Ее зарплата не покрывала даже оплату жилья в избе Игната и услуги детского сада. Заработок отца, который с раннего утра до позднего вечера без выходных пропадал на работе, являлся основным источником дохода. Он с трудом позволял оплачивать возросшие расходы на питание, приобретение одежды, обуви, топлива на обогрев избы и покрывать дру-

гие непредвиденные затраты. Поэтому мама не могла себе позволить роскошь уйти с работы – даже если я захочу ее подменить. Дождавшись прихода отца, я с ходу попытался с ним обсудить наиболее приемлемый вариант участия в нелегкой жизни семьи в условиях эвакуации. Однако, обрадовавшись моему долгожданному возвращению, он сразу переключился на тему продолжения учебы, которую считал самой важной ступенью в моей последующей самостоятельной жизни:

– После трудов на лесосеке немного отдохни. Порадуй нас своим присутствием. И сестренка скучает без тебя! Погуляй с ней, пообщайся. Но после ее дня рождения поезжай в Свердловск. Недавно я был там в командировке и успел обойти ряд техникумов и вузов. В каждом из них есть подготовительные курсы для сдачи вступительных экзаменов. Больше всего мне понравился Уральский индустриальный институт. В нем большой строительный факультет с архитектурным уклоном. Есть нормальное студенческое общежитие. В ректорате просмотрели все твои документы. Правда, школьные успехи не вызвали у них восторга. Но у тебя преимущественное право поступления с учетом пребывания в зоне военных действий. Единственное обязательное требование – это постепенная досдача программы средней школы, которую ты не успел закончить. Теперь все зависит от тебя.

Отец замолчал. Он редко говорил так долго и подробно. Обычно короткими, рублеными фразами ему удавалось выразить самые важные мысли. Я чувствовал, насколько он озабочен моей дальнейшей судьбой. Отец выжидающе смотрел на меня. Мама прислушивалась к каждому слову, хотя не теряла времени и накрывала стол к семейному ужину. Чтобы эта тема закончилась до того, как мы сядем за стол, я ответил отцу твердо и решительно:

– Спасибо тебе и маме за внимание и заботу. Но сейчас не время вас снова бросать. До твоего прихода мама подробно рассказала о ваших сельских буднях. Я понял, что моя помощь будет нелишней, как бы вы ни храбрились. Поэтому до начала учебного года никуда от вас не поеду. А потом буду думать. Можно попытаться перепрыгнуть через свою недоученность в институт, как ты предлагаешь. Можно без натяжки поступить в Архитектурно-строительный техникум. Еще вариант – в вечерней школе без отрыва от работы в ускоренном темпе получить аттестат об окончании десятилетки. И тогда все пути открыты. Ведь неизвестно, сколько времени мы здесь пробудем. А если война скоро завершится и удастся возвратиться домой, я бы хотел продолжить учебу в Киеве вместе с Наталкой-Полтавкой, если она не передумает.

Отец внимательно выслушал мой взволнованный монолог. Подошел ко мне, обнял и дрогнувшим голосом сказал:

– Я счастлив, что ты оправдал наши надежды и стал взрослым, рассудительным и самостоятельно мыслящим человеком.

При большой щедрости и широкой доброй душе, отец был скуповат на похвалы. Поэтому его слова я воспринял как высшую оценку.

Общий семейный ужин стал неожиданным праздником. Время было позднее. Сестренка уже давно ушла почивать в светелку на второй этаж. Перед сном я задал отцу вопрос, который давно тревожил маму и меня:

– Война продолжается, и сводки неутешительные. В армию призывают не только молодых. Что слышно у вас на заводе?

Отец положил руку мне на плечо и в глубокой задумчивости произнес:

– Обстановка сложная. Все зависит от дальнейшего развития событий. На сегодня у меня бронь, поскольку я занят выпуском военной продукции. В то же время я офицер запаса. Что пересилит, никто не знает. Поживем – увидим. Если что, ты временно меня заменишь в качестве главы семьи. Я в тебе уверен. – Он ободряюще похлопал меня по плечу. Взглянув на часы, заключил: – Будем жить с надеждой на лучшее. А сейчас пора спать. Завтра всем рано вставать.

На следующее утро, после завтрака, как было обещано маме, я проводил сестренку в детский сад. Прощаясь, пообещал ей:

– Отныне буду тебя не только провожать, но и забирать из детского сада.

Она обрадовалась:

– Хорошо, что ты маму сменил, ей теперь будет легче. Только меньше молчи по дороге и побольше рассказывай. Ты ведь много знаешь интересного!

Быстрым шагом я направился на вагранку. Критическим взглядом охватив свое первое архитектурное детище, решил наведаться в кабинет отца. Но мой приход совпал с шумным многоядным совещанием, которое он проводил. Поэтому, не теряя времени, я самостоятельно прошел по знакомым цехам. Навестил и маму в отделе технического контроля. В числе нескольких женщин она на медленном конвейере проверяла качество готовой продукции и ставила пуансоном клеймо. Внешний вид красивых по форме изделий, аккуратно и бережно укладываемых на стеллажи, невольно наводил на невеселые мысли. Вскоре они будут превращать в кровавое месиво противоборствующие массы людей, обреченные жестокими законами жизни на бессмысленное уничтожение...

Подольше я задержался в родном цехе. Его светлый интерьер приобрел живой и красочный вид. Еще до поездки на лесосеку у меня появилось желание научиться токарному делу. «Лучше поздно, чем никогда», – подумал я и наугад направился в остекленную контору. Представился пожилому мужчине и кратко изложил причину прихода. Он с улыбкой выслушал и одобрил мое намерение словами:

– Лишняя профессия, тем более рабочая, не помешает. И в будущем обязательно зачтется. Поработаешь на станке ДИП²⁰. Этот токарно-винторезный станок предназначен для обработки цилиндрических, конических и сложных поверхностей – как внутренних, так и наружных, а также для нарезки резьбы. Пусть «догнать и перегнать» станет и твоим жизненным девизом. Когда окончательно определишься, получишь полный инструктаж и ознакомишься с условиями оплаты.

Мы распрощались. Я направился за сестренкой. Во время ужина, когда все были в сборе, доложил родителям о принятом решении. Отец одобрил без оговорок. Мама возразила, что мне сначала следует отдохнуть. Позиция отца была более реалистична.

На следующий день, проведив сестренку в сад, я пришел в цех. От меня потребовалось заявление. Пожилой мужчина, которого, как я узнал, звали Тимофеем Петровичем, широким росчерком наискось завизировал заявление (его я отнес в отдел кадров). Перед витиеватой подписью он обозначил должность: начальник цеха. В трудовую книжку, выданную мне впервые здесь же, при строительстве цеха, была внесена новая запись. С учетом ставропольского периода и работы на лесосеке мой общий трудовой стаж приблизился к одному году. Для моего возраста это было немало и давало определенные преимущества при поступлении в будущем в учебное заведение.

Несколько дней ушло на овладение навыками обращения с токарным станком. Сам процесс обработки болванки снаряда оказался несложным, но требовал большой точности, особенно при нарезке резьбы. Моей наставницей оказалась молодая особа по имени Мария. Она с ходу, скороговоркой, поведала, что уроженка села, окончила ремесленное училище в Артемовском, живет с мамой и бабушкой.

---

²⁰ Токарно-винторезный станок ДИП-500 впервые был изготовлен в 1930-х гг. Его предшественники уже применялись в массовом производстве. Токари со стажем и сейчас помнят эти станки, которые ценились за их надежность и удобство. Модель ДИП – одна из самых распространенных на территории бывшего СССР, станок позволял производить токарную обработку деталей средних и больших размеров. Станок экспортировался во многие страны мира, зарекомендовал себя как надежный и неприхотливый, не требовал повышенного внимания. Аббревиатура ДИП означает «Догоним и перегоним» – лозунг советского станкостроения времен индустриализации, давший название целой линейке станков. Цифра 500 – высота центров (500 мм).

– А отец где? – полюбопытствовал я.

Лицо ее сразу осунулось.

– Батя – военный, от него давно нет никаких вестей.

Понимая, что опрометчивым вопросом невольно задел болезную тему, я поспешно переключился на секреты практических навыков работы на токарном станке. Меня немного смущала роль ученика молоденькой девушки. Поэтому, чтобы как-то возвысить себя в ее глазах, не упустил случая похвастаться:

– Кстати, этот цех выстроен по моему проекту. – Я с удовольствием заметил, что мои слова достигли цели.

Она с удивлением спросила:

– Не понимаю, когда ты успел стать архитектором и зачем решил поменять эту необыкновенную профессию на токаря.

Чтобы рассеять недоумение Марии, пришлось подробно рассказать о себе. Моя исповедь как бы сняла психологическую дистанцию между молодой учительницей и зрелым учеником, который, несмотря на молодость, успел уже пройти через огонь и медные трубы.

Примерно через неделю я научился уверенно выполнять однообразную и монотонную операцию обработки и нарезки конуса болванки. Зарплата была сдельная и зависела от количества сданных к концу смены изделий. Поэтому многие работники, состоящие в основном из женщин и пожилых мужчин, задерживались до полуночи. Сильнее всего уставали ноги, так как приходилось работать стоя. Сказывалось и зрительное напряжение в связи с точностью процесса. Мне выдали защитные очки от попадания случайных стружек в глаза. Часто, сцепив зубы, я пересиливал усталость, чтобы не осрамиться перед безропотными и на диво выносливыми женщинами.

Погожим летним вечером мы отметили день рождения сестренки. В этот день мама взяла выходной. Отец и я пришли раньше обычного с вагранки. В гости пожаловали Агап и Агафья. Сестренка пригласила небольшую группу ровесников из детского сада, с которыми успела подружиться. Мама с Агафьей скромно, но красиво накрыли праздничный стол. После первого насыщения и тостов отец, по доброй полтавской традиции, пел с именинницей дуэтом русские и украинские песни. Потом развеселившаяся детвора удалилась в светелку разбирать подарки и лакомиться различными сладостями. Солнце клонилось к закату, когда мы развели юных гостей по их семейным избам.

Следующий день продолжился по обычному рабочему сценарию. Небольшое разнообразие вносили выходные дни, первую половину которых мама и я проводили на огороде. Сестренка старалась нам помогать. Маленькой лопаткой она охотно окучивала картофельные всходы. Вторую половину дня я полностью посвящал ей. Не по возрасту развитая, она часто загоняла меня в тупик замысловатыми вопросами. Напрягая память и воображение, приходилось на ходу придумывать самые невероятные истории, которые она слушала затаив дыхание. Мы много гуляли с ней по улицам села. На фоне северной природы оно выглядело очень живописно. Лес был рядом. Блуждая по его тропинкам, мы собирали сочные ягоды, которые произрастали вокруг в изобилии. В неширокой чистой речушке на окраине села сестренка весело плескалась с местными детьми. Внешняя идиллия короткого северного лета создавала ложное ощущение вселенского спокойствия. Трудно было поверить, что за сотни километров шла страшная, кровавая война.

Прерванный полет в вуз

Несмотря на однообразную повторяемость, летние дни стремительно приближались к своему завершению. Настало время определяться с учебой. Отец все чаще напоминал мне об этом. Теперь и мама его поддерживала. За неделю до начала учебного года я помог родителям собрать на огороде неплохой урожай картофеля и овощей. Их оказалось достаточно. И главное – отпала необходимость заботиться о посадках.

Приняв окончательное решение, я быстро завершил формальности увольнения, получив новую запись в трудовую книжку. С работниками цеха устроил прощальное чаепитие. С напускной веселостью обнял родителей и сестренку. Через несколько часов проходящий поезд унес меня в большой и незнакомый город – Свердловск. Заботливый отец всю необходимую для первых шагов информацию подробно изложил в моем путевом блокноте, а также снабдил путеводителем и картой города. Поэтому с вокзала я уверенно направился во Втузгородок²¹, где размещался Уральский индустриальный институт (УИИ). Как и советовал отец, я решил брать быка за рога.

Учебный комплекс Втузгородка поражал монументальностью и масштабом застройки. Особенно выделялся центральный корпус с величественным восьмиколонным портиком. Симметрично расположенные боковые корпуса имели более скромные четырехколонные выступы. По широкой лестнице я поднялся в парадное фойе. Уверенно, по настенному указателю, прошел в приемную комиссию. Меня приветливо пригласили к большому столу, за которым восседало несколько человек. Я выложил все имеющиеся документы, различные справки и подробно изложил причину появления в этом храме науки. Меня выслушали с большим вниманием и ободряющими улыбками. Было задано несколько уточняющих вопросов. Отметили низкую успеваемость в школе. Я откровенно, без утайки, рассказал о своем хулиганском прошлом. Один из членов комиссии шутливо заметил:

– Хулиганское прошлое обнадеживает. Мои лучшие и наиболее способные ученики отличались подобными изъятиями в школьном возрасте.

Попросили рассказать о моем «боевом крещении» на Ставрополье, а также участии в проектировании и строительстве цеха.

По итогам собеседования я был допущен к приемным экзаменам, которые проводились, с определенной цикличностью, в течение месяца (традиционное начало занятий отодвигалось на этот же срок). В связи с большим недобором экзамены по ряду предметов проводились с заниженными требованиями, чтобы не отпугнуть малочисленных абитуриентов. Параллельно я стал посещать вечернюю школу рабочей молодежи для получения аттестата законченного среднего образования. Школа и общежитие, в которое я получил направление, находились в двух шагах от комплекса УИИ. Мне также были выданы продовольственная карточка и льготные талоны на питание в студенческой столовой. Но именно в период учебы в Свердловске я постоянно чувствовал щемящее чувство недоедания.

В мирное время, по словам старожилов, Урал не относился к числу «сытых» регионов, несмотря на гигантский промышленный потенциал. Годы войны окончательно опустошили прилавки магазинов. Приходилось в основном довольствоваться предельно неприхотливым рационом студенческой столовой. Неизменное меню состояло, как правило, из невкусной картофельно-крахмальной бурды, называемой супом. Правда, иногда готовили жидкие щи из кислой капусты, которые образно называли «уральскими». Вторые блюда состояли из

---

²¹ В 1929 г. на этой территории начали возводить комплекс зданий Уральского политехнического института. Здесь же размещался еще ряд вузов и Промышленная академия (Промакадемия). Району дали название Втузгородок (городок высших технических учебных заведений). В 1934 г. часть их вошла на правах факультетов в состав Уральского индустриального института имени С. М. Кирова.

макарон с микроскопическими вкраплениями мяса, которое сопротивлялось даже крепким зубам студенческой голодной братии. Запивалось все подобием чая или цикория с кусочком рафинада вприкуску. Иногда вместо этих напитков предлагали розовый, как щеки девицы в сильный мороз, тягучий плодово-ягодный кисель. Поэтому проблемы учебы и голодного желудка неразрывно соседствовали.

В течение месяца, благодаря напряженной подготовке, удалось сдать вступительные экзамены. Я умудрился даже получить высший балл по математике и черчению. В вечерней школе также наметился сдвиг. Несколько предметов мне аттестовали. Дни настолько были уплотнены, что я за это время ни разу не вышел за пределы Втузгородка, несмотря на жгучее желание ознакомиться с достопримечательностями Свердловска. Такая возможность появилась, когда начался учебный год на строительном факультете УИИ. На потоке, несмотря на мужскую специфику будущей профессии, преобладали молодые представительницы женского пола. Лекции заканчивались не поздно. До начала занятий в вечерней школе появилось свободное время.

Я стал почти ежедневно совершать самостоятельные экскурсии по городу. Самое сильное впечатление на меня произвела гармоничная увязка застройки с большим количеством естественных и искусственных водоемов. Через город протекает река Исеть, перегороженная в далеком прошлом плотинами. Благодаря им образовались пруды. Самый большой из них украшает центр города – главную площадь (названную в честь 1905 года). Она застроена обширным усадебным комплексом уральских купцов с вкраплением современных зданий общественного назначения.

Недалеко от площади располагался Ипатьевский дом²². Он стоял на уклоне, с одной стороны двухэтажный, с другой – трехэтажный. Впоследствии я узнал, что в этом доме была уничтожена семья последнего русского царя. Бывая в Свердловске, мне иногда доводилось видеть, как отдельные прохожие, оглядываясь, быстро клали цветы у выщербленного цоколя дома.

От Ипатьевского дома, ориентируясь по карте еще малознакомого города, я направился в сторону огромного природного озера Шарташ²³. Его берега стали моим излюбленным местом не только для отдыха в немногие свободные часы, но и при подготовке к сдаче зачетов и экзаменов по учебникам и конспектам.

В семидесятых годах, во время частых командировок на Урал и работы над кандидатской диссертацией, я езжал в Свердловск для консультаций с официальным оппонентом – профессором Николаем Алферовым²⁴. Вспоминая далекое студенческое прошлое на лоне природы у озера Шарташ, мне было комфортно вносить исправления и дополнения в черновой текст диссертации по замечаниям большого мастера промышленного зодчества.

Несмотря на отсутствие профессиональных знаний и опыта, я постепенно, в общих чертах, стал постигать неповторимые особенности столицы Урала. Ее возникновение наряду с другими городами связано с бурным строительством металлургических предприятий. Это произошло, в масштабе смены исторических эпох, не так давно – около трехсот лет назад.

---

²² С Екатеринбургом связаны последние дни российского императора Николая II. Недалеко от центра города, напротив так называемой Вознесенской горки, располагался дом инженера Ипатьева (Ипатьевский дом). Здесь в 1918 г. произошло ужасное событие – убийство семьи последнего российского императора. В 1977 г. Ипатьевский дом был снесен. А в 2003 г. на этом месте воздвигли Храм-на-Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших. Это один из крупнейших православных храмов Екатеринбурга.

²³ Интересно, что в районе озера в 1745 г. крестьянин Ерофей Марков, житель деревни Шарташ, открыл первое в России рудное золото (Березовское месторождение).

²⁴ Алферов Николай Семенович (1917–1982) – первый ректор Свердловского архитектурного института (с 1972 г.), заслуженный архитектор РСФСР (1973), народный архитектор СССР (1978). С 1979 г. член-корреспондент Академии художеств СССР.

Название Екатеринбург город получил в честь императрицы Екатерины I – супруги Великого Петра (а не Екатерины II, как часто думают). В 1924 году, в духе пренебрежения к собственной истории, он был переименован в Свердловск. Я узнал также, что город строился на основе единого генерального плана. Промышленная зона имела четкую взаимосвязь с селитебно-общественными образованиями и природным окружением. Старейшие постройки выдержаны в стиле классицизма. В более позднее время стали появляться эклектичные здания с богатой и вычурной наружной отделкой. В советский период, по проектам талантливых архитекторов, в старую застройку были умело включены крупномасштабные строения в стиле авангарда и конструктивизма. Все это я сумел оценить в более зрелом возрасте. Правда, и тогда, не разбираясь еще в стилевых особенностях и отличиях построек различных эпох, визуально ощущал радующую глаз гармонию городской среды.

В Свердловске я стал обходить книжные магазины в поисках различных изданий по архитектуре. В одном из них, на пыльной полке, наткнулся на редкое издание единственного в России учебника по этому направлению, изданного в первой половине XIX века. Его автор, академик Иван Свиязев²⁵, особую роль отводил проблемам промышленной архитектуры наиболее развитого Уральского региона. Мне также удалось купить переиздание уникальной научной книги «Описание горных уральских заводов»²⁶, автор которой, голландец В. де Геннин, был приглашен на русскую службу Петром I. Он был одним из главных творцов архитектурно-планировочного решения единого комплекса заводов и жилой застройки Екатеринбурга. Обе книги сыграли немалую роль в моем решении специализироваться после окончания института в качестве промышленного архитектора.

Я достаточно быстро адаптировался к условиям и режиму студенческих будней. В комнате общежития нас проживало четверо. Из числа эвакуированных я был единственный. Остальные представляли небольшие города Урала. Все учились на разных факультетах. Через несколько дней мы основательно сдружились и легко нашли общий язык, стараясь найти хорошую подработку. В свободные от учебы часы, несколько раз в неделю, все отправлялись на товарную железнодорожную станцию. Грузчиков там хронически не хватало. Разгрузка вагонов шла круглосуточно. Наибольший интерес для нас представляли продовольственные товары. Разгрузив вагон, мы уносили в общежитие увесистые сумки с крупами, овощами, иногда кусками мороженого мяса. На коллективной кухне сообща учились кулинарному мастерству. Активно помогали девушки, которых мы в знак благодарности и нескрываемого интереса к прекрасному полу приглашали к общему столу.

Иногда приходилось разгружать самые необычные грузы. Как-то прибыл зверинец на колесах из прифронтового города. Мы разгружали клетки под наблюдением и жестким контролем служителей зоопарка. Клетки с экзотическими птицами, особенно с попугаями, проходили под легкий смех. Когда дело дошло до пресмыкающихся, нам уже было не до смеха. Крупногабаритные клетки с различными животными выгружались объединенными бригадами, где мы выполняли роль поддерживающей группы. Расплачивались деньгами, которые позволяли нам на рынке, по баснословной цене, купить кусок сала, немного масла, творога или другие дефицитные продукты. Был случай, когда разгружались ящики под наблюдением многочисленной охраны. Впоследствии мы узнали, что в них находились бесценные кар-

---

²⁵ В ноябре 1832 г. И. И. Свиязев принят в институт Корпуса горных инженеров архитектором-смотрителем и преподавателем горнозаводской архитектуры. Он издает первое в России «Руководство к архитектуре», принятое для преподавания в Горном институте и многих других учебных заведениях. Это сочинение И. И. Свиязева получило почетный отзыв Академии наук, автор награждается бриллиантовым перстнем, Академия художеств признает его своим членом. В 1867 г. И. И. Свиязев издает первый в России труд по отоплению зданий: «Теоретические основания печного искусства».

²⁶ Геннин В. де. Описание Уральских и Сибирских заводов. М., 1937. (Природа, геология, техника и технология всех заводов, построенных де Геннином).

тины Эрмитажа, которые нашли временное пристанище в нескольких помещениях злополучного Ипатьевского дома.

Надо признать, что студенческое содружество, включая нашу четверку, в борьбе за выживание допускало мелкие грехопадения. Одно из них заключалось в ловкой подделке дополнительных талонов на описанное выше питание в столовой института. Иногда удавалось дублировать почти с типографской точностью хлебные карточки. Плотный и липкий, как замазка, хлеб, как правило, по кусочкам уничтожался на пути от магазина до общежития, долго напоминая о своем присутствии возмущенным органам пищеварения.

Я даже умудрялся с ювелирной точностью подделывать входные билеты на галерку в Оперный театр имени А. В. Луначарского. Эти билеты позволяли приобрести, по сносной цене, бутерброды с колбасой или сыром в буфете театра. Царское лакомство запивалось сладким эрзац-напитком. Однако со временем ненасытная четверка примелькалась у подозрительной буфетчицы. С сожалением пришлось прекратить наши походы в театр с целью подкормиться.

Во всем остальном уровень взаимоотношений в студенческой среде в те времена был достаточно терпимым. Атмосфера коллективного сосуществования, вне зависимости от национальных различий, способствовала быстрому сближению интересов. Правда, известия с фронта были тревожными. Не было уверенности, что нам удастся закончить вуз. Но поскольку меня признали годным только к нестроевой службе, я все увереннее втягивался в учебу. Тем более что по ряду предметов обязательного среднего образования я успешно был аттестован в вечерней школе. С родителями поддерживал постоянную переписку.

Сменив отца, ушедшего на фронт...

В один из безоблачных дней поздней осени мне вместо привычного письма вручили телеграмму с лаконичным текстом: «Необходимо повидаться. Отец». Уведомив деканат и получив разрешение на короткий отъезд, я к вечеру переступил порог семейного пристанища. Обняв родителей и сестренку, выжидающе уставился на отца. Внешне он выглядел спокойно. Выражение лица мамы красноречиво свидетельствовало о тревожном душевном состоянии. Наконец отец произнес:

– Подошел мой черед, как офицера запаса. Через неделю я должен покинуть вас. Мы с мамой решили, что ты все же должен продолжить учебу. Основная часть моего денежного содержания будет перечисляться сюда. Это пополнит семейный бюджет. Появляется надежда на перелом в войне. Будем надеяться на ее скорое окончание. – Он закончил и теперь испытующе смотрел в ожидании ответа.

Я давно к нему был готов.

– Мое решение однозначно. Маму и сестру одних я не оставлю. Кончится война – продолжу учебу в институте. Оставшиеся предметы по среднему образованию досдам в вечерней школе в Артемовском. Пойду на вагранку. Будем тебя с нетерпением ждать и надеяться на лучшее.

Последняя фраза выражала мою жизненную философию, сложившуюся еще со школьной скамьи. Она была навеяна одной из самых любимых книг нашей домашней библиотеки – «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. Ее завершение – «Вся человеческая мудрость заключается в двух словах – ждать и надеяться» – отражало всю гамму чувств, связанных с вынужденной разлукой с отцом.

Утром я возвратился в Свердловск. В ректорате и вечерней школе с пониманием отнеслись к моему решению временно прервать учебу. Все необходимые выписки были выданы сразу. Я написал прощальную записку собратьям по совместному проживанию в общежитии, собрал нехитрые пожитки и с большим сожалением покинул храм науки. Вечером я вошел в избу. Очередной круг замкнулся в начале пути. Через несколько дней состоялись проводы отца. Он уехал в Свердловск, а далее по назначению. Мы с мамой старались держаться. Только сестренка надрывно просила:

– Не уезжай. Без тебя так плохо! Я буду очень скучать и плакать.

Отец нежно прижимал ее к себе. Скрывая волнение, усилившееся за считанные минуты перед расставанием, успокаивал:

– Скоро, скоро вернусь, и мы снова дуэтом будем распевать любимые песни.

Очень тяжелым был момент, когда отца унес поезд. Нам всем стало так одиноко и тоскливо!

На следующее утро, отведя сестренку в детский сад, я вновь отправился на вагранку. Самым простым вариантом было возвращение к токарному станку. Взвесив все за и против, я пришел к выводу, что повторение пройденного в данном случае не совсем разумно. За относительно короткое время учебы потерял приобретенный навык и ускоренная реакция на динамику процесса, требующего большого зрительного напряжения. При сдельной оплате мой заработок не превысит трудовые доходы молодых учениц, окончивших ремесленное училище.

К тому же с уходом отца в армию мы потеряли и главного кормильца семьи. Нужно было думать о более высокооплачиваемой работе. Это возможно было в управлении или на литейном производстве. Но управленческого опыта у меня нет, и вряд ли там найдется свободная вакансия. Остается вагранка, где самая высокая оплата труда (с учетом вредности) и дотация в виде свежего молока. И я решительно направился внутрь малой домны.

На меня повеяло жарким воздухом с характерными запахами раскаленного металла и химических реагентов. С начальником литейного производства, как и с большинством работников вагранки, я общался еще во время строительства цеха станочного оборудования. Он тогда хотел привлечь меня к параллельной работе по сооружению бытовой пристройки к вагранке. Существующие условия не выдерживали никакой критики. Помыться после работы в горячем помещении было практически невозможно. Но тогда все выделенные на капитальное строительство средства ушли на ускоренное возведение цеха. Я заметил, что за время моего отсутствия визуальное ничего не изменилось. Начальник производства встретил меня приветливо. На вопрос, что привело меня сюда, я ответил однозначно:

– Вы, наверное, знаете, что отец призван в армию. Вот я и прервал учебу – пришел вновь трудоустроиться на вагранку.

Получив такое разъяснение, он одобрительно покачал головой и признался, что в связи с поголовным призывом в армию ощущается нехватка работников. Поэтому мой даже единственный приход для него был подарком. Он предложил мне ряд вакансий, которые не требовали специальной подготовки. Свой выбор я остановил на физически тяжелой, но наиболее оплачиваемой работе шихтаря, «кормильца» вагранки, которая прожорливо поглощала чугунный лом вперемешку с определенными дозами других металлов и извести. Это неизменное «блюдо» именовалось шихтой, а его «кулинары-изготовители» – шихтарями.

После повторной процедуры оформления я начал осваивать новую трудовую профессию. Был проведен инструктаж по технике безопасности с письменным подтверждением, что каждая его позиция, во избежание травм, будет строго соблюдена. Мне выдали защитный комбинезон с головным убором, обувь и черные защитные очки. С первого дня выхода на работу меня зачислили на получение дополнительных продуктов, в связи с вредностью горячего производства. Бригада шихтарей состояла из четырех человек. С учетом непрерывности технологического процесса, три бригады по скользящему графику сменяли друг друга. Внутри каждой бригады также существовал принцип сменяемости. В один день два шихтаря на верхней площадке забрасывали, через воронку с задвижкой, шихту в расплав. Оставшиеся двое внизу, на уровне земли, загружали в бадью дозированную взвесь и по принципу колодезного коловорота подавали ее наверх. На следующий день менялись местами.

Такая взаимозаменяемость была необходима. Наверху, при открывании створки для забрасывания шихты, как из огнедышащего вулкана, вырывалось пламя вперемешку с тяжелыми газами различных реагентов. Чтобы не получить ожог, приходилось длинным шестом, по наклонному желобу, проталкивать шихту в круглую полость вертикального ствола доживающей свой век старой, архаичной вагранки. Здесь требовалась не только физическая сила, но и большая ловкость. К концу рабочего дня от силы и ловкости ничего не оставалось. Все находилось в состоянии выжатого лимона. Кстати, лимоны в те голодные военные времена, как источники необходимых витаминов, ценились буквально на вес золота.

К счастью, глубокий, без сновидений, сон быстро восстанавливал силы. Постоянная физическая нагрузка, как в свое время на лесосеке, постепенно укрепляла мышцы. Через неделю бригада переходила в ночную, самую тяжелую, смену. Даже ее оплата шла с повышенным коэффициентом. Мама провожала меня до калитки, и я в полном одиночестве и мраке шел по знакомой дороге к огнедышащей вагранке. Стремительно надвигались холода поздней осени. Их неласковые прикосновения особенно сильно ощущались в ночное время. Поэтому горячие выбросы вагранки в условиях холодного сезона создавали определенный тепловой комфорт в рабочей зоне.

Наши будничные семейные заботы тесно переплелись с напряженно-тревожными ожиданиями весточек от отца и прослушиванием по радио военных сводок. Отец писал регулярно. Мы читали и перечитывали тексты треугольных конвертов с указанием номера поле-

вой почты его воинской части. Он находил самые важные слова, которые вселяли надежду на скорый благоприятный исход войны и его возвращение к семейному очагу.

В конце осени поступило известие о разгроме войск вермахта под Сталинградом²⁷. До этого сводки не радовали. После первого успеха год назад под Москвой весь юг до Кавказского хребта был оккупирован. Мысленно я иногда возвращался в Ставропольский край и безбрежные калмыцкие степи с памятным ночлегом в гостеприимном совхозе недалеко от Астрахани. Тогда они казались глубоким тылом, а вскоре стали территорией противника. Поэтому робкое возрождение надежды на благоприятный исход войны стало появляться только через год нашего пребывания на Урале.

В один из дней, когда пошел новый недельный виток дневной смены нашей бригады, состоялся разговор с начальником производства. Он сказал, что появилась, наконец, долгожданная возможность возведения бытовой пристройки к вагранке. На период участия в этом процессе меня будет подменять на шихтарнике другой работник. Зарплата и дотация полностью сохранялись.

Я за этот год настолько привык к различным «ускоренным пируэтам» переключения с одного вида деятельности на другой, что спокойно принял это предложение. Имея уже некоторый практический опыт, я начал с того, что определил габариты пристройки в пределах ограниченной территории. До наступления морозов и промерзания земли следовало отрыть траншею и залить бутобетонный фундамент согласно расчетной нагрузке от предполагаемой двухэтажной пристройки. Для выполнения этого так называемого нулевого цикла требовалось не мешкая создать небольшую строительную бригаду из местных старожилов. Для работ выше нулевой отметки целесообразно было договориться с Вагифом. С поредевшей бригадой он до сих пор находился на лесосеке. Все эти соображения я изложил начальнику литейного производства. Он полностью с ними согласился. В качестве ответственного за строительство, как и в прошлый раз, назначили Айдара.

Назавтра по ранее проторенному пути мы отправились в строительное управление треста «Артемовскуголь». Леонид Русскинд встретил нас с истинно одесским радушием. С характерным воркующим произношением он снова слегка поплакался на судьбу единственного одессита в этой глуши. Затем, за чашкой чая с аппетитными булочками, расспросил о причинах повторного визита. Выслушав нас, пригласил проектировщиков. Они помогли мне произвести расчеты фундаментов, несущих конструкций стен и необходимого количества санитарных устройств. Передали методические пособия и проектные аналоги. На следующий день я приступил к ускоренной разработке чертежей. В помощь снова мне выделили Ксению. Только комнату в управлении предоставили другую. Все было почти как раньше, но зато я чувствовал себя гораздо увереннее.

От Нового года нас отделяли считанные дни. Они совпадали с годовщиной нашего вынужденного изгнания на Урал. В условиях томительной неопределенности повседневная жизнь проходила почти как в классической арии «Что день грядущий нам готовит?»²⁸. Поэтому встреча Нового года ограничилась небольшими посиделками с Агапом и Агафьей. Вместо шампанского выпили по стопке ароматного самогона за здоровье родных и близких. Того же самого пожелали друг другу. И, с надеждой на просветление в будущем, отошли ко сну, унося нехитрые подарки. У изголовья спящей сестренки я положил красочные пакеты с различными сладостями. В светелке еще накануне вместе с ней установили маленькую елку.

Ночью природа самоутвердилась. Обильно выпал снег. Усилился мороз. К счастью, было безветренно. Вместе с мамой, облачившись в теплую одежду и пимы, мы проводили

---

²⁷ Речь идет об операции «Уран» и окружении 23 ноября 1942 г. 6-й армии вермахта. Датой окончательной победы в Сталинградской битве считается 2 февраля 1943 г.

²⁸ Ария Ленского из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» начинается чуть иначе – «Что день грядущий мне готовит».

полусонную сестренку в детский сад. Затем в привычном будничном режиме, утрамбовывая заснеженную дорогу, направились на вагранку.

Еще издали я увидел, что на строительной площадке суетятся люди. Вблизи стали различимы знакомые лица. Для меня появление бригады Вагифа стало приятным новогодним сюрпризом. Мы дружески обнялись. Вагиф ознакомился с эскизом двухэтажной пристройки. Я собирался разработать еще несколько вариантов внутренней планировки и представить их на рассмотрение директору и начальнику литейного производства. Сейчас важно было, до начала сильных морозов, залить фундаменты и завезти основные строительные материалы из Артемовского.

Весь процесс строительства пристройки «под ключ» занял около пяти месяцев, вместо предполагаемых трех. Задержка была связана с большим объемом внутренней отделки, кропотливым монтажом санитарной техники, срывом поставок строительных материалов. Все это также усугублялось, как и при возведении цеха, лютой зимой и нехваткой специалистов. По счастливому совпадению, традиционную ленточку перерезали накануне моего совершеннолетия. Поэтому для меня это был настоящий праздник. Рождение второго архитектурного детища в моих глазах как бы давало надежду на скорое возвращение к родным пенатам. Этому способствовали более оптимистичные сводки с фронта. После Сталинградской победы почти полностью был освобожден Кавказ, снята блокада Ленинграда, началось освобождение Украины. Регулярные весточки отца также укрепляли надежду.

Ввод бытовой пристройки прошел скромно, без митинга и банкета. Однако была выплачена премия и объявлена благодарность с занесением в трудовую книжку. Мама накрыла скромный праздничный стол к моему совершеннолетию. В гости были приглашены Агап с Агафьей, Вагиф и Ксения. Хозяин, как всегда, принес в небольшом хрустальном графине самогон. Вагиф где-то раздобыл фирменную бутылку красного сладкого вина. Сестренка, которой меньше чем через месяц исполнялось шесть лет, впервые лизнула несколько капель этого зелья, которое мама предусмотрительно разбавила водой. Слегка поморщившись, рассмешила нас своим резюме:

– Вино мне не нравится. Горькое и не очень сладкое. Только цвет красивый. В детском саду компот вкуснее и в нем ягоды плавают.

Гости стали расходиться. Я пошел провожать Ксению. Изба ее родителей находилась недалеко. Мы остановились у калитки. Нарастающий интерес к женскому полу, особенно после дозы вина вперемешку с самогоном, проявился в полную силу. Я привлек к себе податливое молодое тело Ксении. Мои огрубевшие от физического труда, сильные руки как клещи обхватили ее. Одолеvalo смутное желание, которое я впервые ощутил при общении с Наталкой-Полтавкой. Тогда чистый естественный прорыв неискушенной молодости был прерван войной, разбросавшей нас в разные стороны. Тяжелый не по возрасту груз забот отвлекал от мыслей и желаний, которые стихийно периодически напоминали о себе. Я чувствовал, что нравлюсь девушкам и вызываю у них интерес. Сейчас непосредственная близость Ксении, приглянувшейся мне с первого взгляда, прорвала плотину созерцания. Я ощущал, что это взаимно. Она тихо и недвусмысленно сказала:

– Пойдем. Я одна с бабушкой. Родители уехали на заработки.

Через сени мы вошли в теплую горницу. На полотах у печи дремала старушка. «Божий одуванчик», – подумал я.

На звук шагов она не по возрасту легко вскочила и пошла нам навстречу. Обняла Ксению и с доброй улыбкой на морщинистом лице обратилась ко мне:

– Хорошо, сынок, что проводил внучку. Я уж беспокоилась. Скучает она, бедняжка. Всех женихов забрали в армию. Ну, не буду вас отвлекать. Пообщайтесь – спускайтесь к чаю.

Мы прошли на второй этаж в уютную светелку Ксении. Здесь я впервые познал великое таинство природы. Ксения была старше меня на три года и уже имела опыт неудавшегося

брачного союза. Она призналась, что давно влюблена в меня, хотя понимала бесперспективность наших отношений. Я ответил ей в своей обычной манере:

– Время покажет.

Когда мы спустились в горницу, бабушка терпеливо ожидала нас. После чаепития я распрощался и по безлюдной сельской улице направился домой. Около полуночи переступил порог избы. Мама, по обыкновению, не ложилась спать до моего прихода. Она ни о чем не стала меня спрашивать. Мы пожелали друг другу доброй ночи и отправились на покой по своим теплым местам на полатах. Несмотря на усталость и позднее время, я долго не мог уснуть – сказывалось сильное перевозбуждение событиями дня. Из головы не выходила Ксения и совершенно новые отношения, которые сложились между нами.

На следующий день я вернулся на поприще шихтаря. Накануне, в мой день рождения, Вагиф предложил снова поехать с ним в Тавду на лесоразработки. На этот раз я отказался, хотя работа на свежем воздухе в лесу ни в какое сравнение не шла с отравленной атмосферой вагранки. Но после вынужденной ставропольской отлучки даже в мыслях исключал возможность оставить маму с сестренкой в одиночестве. Кроме того, первые составы стали увозить на запад эвакуированных жителей Кавказа, Ленинграда, Донбасса и других освобожденных регионов. К сожалению, последующие сводки были менее определенными. Особенно нас огорчала нестабильная обстановка в районе Харькова. Ведь от него до Полтавы рукой подать. Но близок локоть – да не укусишь. Поэтому наша жизнь продолжалась в привычном режиме.

Самую большую радость, как и прежде, доставляли письма отца. Он писал регулярно и с оптимизмом. Ежедневные сводки и весточки с фронта как бы дополняли друг друга. Прояснение нашей дальнейшей судьбы наступило в конце осени. В конце сентября 1943 года Полтава была освобождена. Обратная дорога, после двух лет вынужденного изгнания, открылась. За этот короткий и в то же время очень длинный период нам удалось не сломаться и выдержать испытания на прочность. Мы стали усиленно готовиться к возвращению к родным пенатам.

Возвращение в Полтаву

Итак, долгожданный день наступил. Как возвращенцы, мы заняли три места в теплушке на станции Егоршино. В грузовом вагоне были устроены открытые отсеки из четырех двухъярусных дощатых нар. Мама и сестренка располагались внизу, я наверху. В центре вагона высилась буржуйка: дымоход выходил через отверстие в крыше. В теплушке размещалось до сорока человек. Такие составы служили основным транспортным средством для переброски военнослужащих в зону боевых действий. Большая часть обычных пассажирских поездов была задействована под передвижные госпитали.

За теплушками закрепилась недобрая слава «вшивых инкубаторов». Эти живучие твари одолевали несчастных людей днем и ночью. От них не было спасения. На длительных стоянках вне графика движения все выскакивали из вагонов. Несмотря на холодное время года, стаскивали с себя одежду и остервенело встряхивали ее. Пять суток пути до Харькова, несмотря на радость от возвращения на родину, стали мучительным путем на Голгофу. Лишь после прохождения санитарного пропускника на вокзале мы почувствовали некоторое облегчение. Правда, зудящие царапины от расчесов на теле и волосистой части головы долго давали о себе знать. Особенно у сестренки, которая уже была на грани нервного срыва.

На вокзале я попал в массовую облаву, которую проводила военная комендатура. Хотя линия фронта ушла за Днепр, Харьков входил в число прифронтовых городов. После проверки документов меня отпустили. Я возвратился на вокзал к перепуганной маме и сестренке. Но нет худа без добра: военный комендант, разобравшись, кто я и откуда, помог нам быстро добраться до Полтавы. Туда прямо от комендатуры отправлялось несколько машин. По его распоряжению для нас нашли место. Через несколько часов мы оказались у родного дома.

Но дальше порога не суждено было пройти. Наша комната оказалась занята работником прокуратуры города. Он был обескуражен появлением законных жильцов. В комнату нас не пригласил. Заявил, что у него имеется законный ордер на вселение и занятие пустующей жилплощади. Посоветовал обратиться в горсовет. Мы стояли в полной растерянности. Семья оказалась у разбитого корыта.

Холодный день поздней осени клонился к закату. Пугала перспектива провести ночь на улице. К счастью, соседи, которые безвыездно пережили оккупацию, узнали нас. Одинокая женщина, жившая в комнате цокольного этажа, предложила временное пристанище. Других вариантов не было. С благодарностью мы согласились. Она поведала об ужасах оккупации. Несколько семей из нашего дома были расстреляны. Целый район города, населенный ремесленниками еврейской национальности, подвергся уничтожению. К визиту фюрера в Полтаву 1 июня 1942 года проводились массовые зачистки. На вопрос, кто проживал в нашей комнате в годы оккупации, ответ был уклончиво-неопределенный:

– Незнакомые жильцы менялись без конца. Поговаривают, все ваше добро растащили.

Мы с мамой переглянулись. Она пригорюнилась. Но надо было устраиваться на ночлег. Утром мы сразу пошли в комиссию по правам возвращенцев. Она размещалась в одном из помещений городского совета, который чудом уцелел. Центр города лежал в руинах. От былой красоты ухоженных тенистых улиц остались одни воспоминания. Многочисленные памятники архитектуры выглядели искореженными скелетами с провалами черных глазниц. Приходилось обходить кучи строительного и бытового мусора, в хаотическом беспорядке заполонившего израненный город.

В комиссии нас встретили на удивление приветливо и внимательно. После сверки документов, подтверждавших наш статус, состоялось довольно тяжелое объяснение по поводу

жилплощади. Пожилой юрист, просматривая большое количество бумаг, пытался прояснить нашу ситуацию:

– К сожалению, война нарушила закон неприкосновенности жилья. Люди уезжали в эвакуацию, а во время оккупации их имущество осталось без защиты. Мародеры, уверенные в своей безнаказанности, а также фашистские захватчики грабили все, что могли. Это произошло и с вашим жильем, из которого вытащили все, вплоть до дверных ручек и оконных шпингалетов. И все равно пришлось туда временно вселить прокурора с семьей. Дом, в котором он проживал до эвакуации, полностью разрушен. Мы пытаемся решить этот вопрос, но в город возвращается все больше людей. Их тоже где-то нужно размещать. А вам пока дадим направление в общежитие. Вы вправе обжаловать наше решение. Но сами понимаете, закон и порядок еще не скоро будут восстановлены. Война совсем рядом.

Юрист закончил длинный монолог и выжидающе посмотрел на нас. Мы безумно устали после многодневного пути в теплушке. А Полтава встретила нас не очень приветливо. Главное сейчас – пусть временно, но решить проблему с жильем. Поэтому, переглянувшись, мы попросили выдать документ для общежития. Юрист понимающе кивнул. Несколько раз повторил, что будет оказывать нам посильную помощь. Он оказался впоследствии одним из немногих людей, у которых слова не расходятся с делом. Увы, я не запомнил, как его звали. Жаль!

Мы распрощались и с направлением на руках отправились по указанному адресу. Недалеко от Южного вокзала уцелела школа фабрично-заводского обучения (ФЗО). До войны это была продуманная и налаженная система подготовки молодежного рабочего пополнения. Сейчас все нужно было возрождать с нуля – по аналогии с жизнью миллионов людей, включая нашу. Женщина-комендант выделила нам крохотную комнату без подселения. Это был наиболее удачный вариант. Более-менее вместительные помещения, как правило, занимали несколько семей.

Средства, заработанные на Урале, катастрофически таяли. Карточная система не покрывала даже самые скромные запросы изголодавшихся жителей. На возрождающемся рынке перекупщики сельхозпродукции называли заоблачные цены. Денежный аттестат отца еще не дошел до Полтавы. Я решил не терять времени и обратился в городской отдел трудоустройства. Мои послужные документы за два года войны произвели впечатление. Это было видно по лицам сотрудников отдела. В условиях дефицита рабочих рук, нужных для восстановления города, мне стали наперебой предлагать различные вакансии. Я понял, что легко устроюсь на работу. Поэтому решил спешить медленно. Взвесить все за и против. Несмотря на сформировавшуюся самостоятельность, пошел посоветоваться с мамой. Я очень доверял ее житейскому опыту, мудрости и женской интуиции. Внимательно выслушав меня, она сказала, что появилась еще одна вакансия, как ей кажется, наиболее подходящая. И объяснила:

– Сегодня утром, в твое отсутствие, директор школы ФЗО сказал, что им требуются преподаватели. Я предложила свои услуги в качестве консультанта по швейному делу. Для тебя есть на выбор несколько вариантов. Директор обещал устроить Яну в детский сад. Мы также сможем питаться в школьной столовой по льготным ценам.

На следующий день я познакомился с директором. Он расспросил о биографии, планах на будущее. Его заинтересовали мой небольшой строительный опыт и мечта стать архитектором. И он предложил проводить занятия по начальному курсу введения в архитектурно-строительное мастерство. По сокращенной программе подготовки рабочих профессий на это отводилось небольшое количество часов. Скромной была и почасовая оплата. Поэтому параллельно я согласился занять одну из наиболее востребованных вакансий – воспитателя, аналог классного руководителя обычной школы. Не скрою, меня одолевали сомнения: справлюсь ли. Ведь еще несколько лет назад в школе я не входил в число примерных учеников. Правда, за два года испытаний я сильно изменился.

Неуверенность прошла при первом опыте общения с учащимися. Как правило, преобладала сельская молодежь, пережившая ужасы и унижения оккупации. Их общий образовательный уровень был невысоким. Но они отличались целеустремленным желанием овладеть рабочим ремеслом и зацепиться за городскую жизнь. По уровню начитанности, знаний и практического опыта я объективно чувствовал свое превосходство. Все, что я им рассказывал во время учебных занятий, они слушали с нескрываемым интересом. Интуиция подсказывала, что нужно сохранять определенную дистанцию и полностью исключить панибратство. Неожиданно для себя я довольно быстро освоил педагогическую роль наставника. Иногда проскальзывала мысль, что эта стезя могла бы стать моей профессией. Правда, если не стану архитектором.

С момента возвращения я рвался посетить родную школу и узнать о судьбе учителей и одноклассников. Наконец, в один из пасмурных зимних дней, направился по знакомым израненным улицам к школе. Я настолько привык к неприятным неожиданностям, что ничему не удивлялся. От большого светлого здания остались обгорелые, растрескавшиеся стены без крыши. Вся, некогда ухоженная, территория была по периметру обнесена высоким глухим забором. Случайные прохожие поведали, что в годы оккупации здесь размещалось гестапо. Здание было взорвано фашистами при отступлении. Постепенно мне удалось выяснить судьбу некоторых учителей и учащихся школы. Умерли директор и Гася Иосифовна. Были уничтожены во время карательных операций преподаватели географии и физкультуры, а также семья профессора Шера. Иван Глоба и Конон Рыжий добровольцами ушли в действующую армию. Часть знакомых горожан успели эвакуироваться и до сих пор не вернулись в Полтаву. Мне были также озвучены имена моих одноклассников, которые предпочли сотрудничать с оккупантами. Попытка выяснить судьбу Наталки не увенчалась успехом. В элитном доме напротив Петровского парка никто вразумительно не мог сообщить что-либо о семье директора комбината. Оставалось ждать и надеяться, что их возвращение – вопрос времени.

В канун Нового года мы получили бесценный подарок. С помощью юриста из комиссии нам выдали ордер на крохотную комнату в трехэтажном старом доме, который чудом не задела война. Он размещался внутри двора, примыкавшего к территории краеведческого музея. Из единственного окна открывался очень красивый вид на музей. Конечно, новое жилье нельзя было сравнить с нашей прежней просторной комнатой, но как же мы обрадовались! К тому времени вернулся из эвакуации дядя Яков с семьей и бабушкой. К счастью, их жилье чудом сохранилось и не подверглось разграблению. Новый год мы встретили вместе. Это стало хорошим предзнаменованием!

В конце февраля 1944 года произошло знакомство, которое повлияло на мои дальнейшие планы. В общем коридоре нашего нового пристанища проживала молодая особа с маленьким ребенком. Звали ее Марыся. Ее муж, с которым успели сыграть свадьбу, вскоре погиб на войне. Мама приобщала ее к швейному делу, чтобы она имела хотя бы небольшой заработок в дополнение к скромным выплатам за погибшего мужа. К ней в гости наведывался гусарской внешности военный. При знакомстве, щелкнув каблуками до блеска начищенных хромовых сапог, представился: «Подполковник Александр Никульшин»²⁹. Он командовал воинской частью, круглосуточно охранявшей аэродром, которому вскоре было суждено стать базой для знаменитых «летающих крепостей» союзников³⁰. Но не буду забежать вперед.

---

²⁹ Никульшин Александр Николаевич (род. в 1902 г.) – русский, член ВКП(б) с 1920 г., в Красной армии с 1918 г., участник Гражданской войны, был ранен.

³⁰ «Летающие крепости», то есть стратегические бомбардировщики В-17, появились в Полтаве 2 июня 1944 г., после успешного проведения операции «Фрэнтик». Размещение американских самолетов в Полтаве вызвало ответную реакцию фашистов – 22 июня 1944 г., ровно через три года после начала войны, аэродром подвергся массовой бомбардировке.

Его заинтересовали зигзаги моего короткого жизненного пути. Резюме его было по-военному четким и конкретным:

– Уровень воспитателя ФЗО мелковат. Предлагаю вольнонаемную должность моего личного адъютанта при штабе. Будешь выполнять различные поручения, включая художественное оформление боевых листков и другой наглядной агитации. Людей у нас много, но всем медведь лапой на руку наступил. Денежное довольствие будет значительно выше. Хороший продуктовый паек. Новое обмундирование. Трудовой стаж с повышающим военным коэффициентом. Думай без затяжки.

Я согласился. Работа воспитателя школы ФЗО мне нравилась, но утомляли ночные дежурства в общежитии, которое находилось на далекой окраине города. Темнело рано, улицы практически не освещались. Опасность ограбления таилась в каждом разрушенном доме. Поэтому мама всегда очень волновалась. Директор был огорчен моим заявлением об уходе. Но мы нашли компромисс. За мной сохранили проведение занятий по курсу архитектурно-строительного мастерства два раза в неделю. Мама также продолжала учить молодежь швейному делу. С помощью директора Яна стала посещать детский сад и заметно выросла. Не по возрасту смышленная, любознательная и развитая, она запоем перечитывала детские книжки. Отличалась некапризным, спокойным, немного замкнутым характером. До школы ей оставалось менее полутора лет.

Адъютант товарища подполковника

Итак, я доложил подполковнику Никульшину, что готов поступить в его распоряжение. На следующий день через контрольно-пропускной пункт прошел на территорию штаба. Он размещался в центре города, на пустыре, созданном в результате расчистки целого квартала от разрушенных строений. Мое появление вызвало оживление среди женской половины штаба. Они буквально устроили мне смотрины. К счастью, я не испытывал робости от многочисленных взоров красоток в военной форме. Их полусерьезные-полушутливые вопросы выражали чисто женские интересы к сильной половине человечества. Бойкая курносая толстушка с рыжей копной волос суежилась больше всех:

– Девушки, торопитесь, появился новый жених!

Я отвечал в унисон:

– Почему вы так решили? Я, между прочим, многократно разведен и имею кучу внебрачных детей.

Девушки со смехом отвечали:

– Быть не может! А с виду – молодой и явно несемейный хлопец! Жених, жених, однозначно!

Одна из девушек стояла особняком. Взгляд ее был проникновенным и серьезным. Я интуитивно перехватил его. Это была далеко не банальная любовь с первого взгляда. Но, кроме нее, я уже никого не замечал.

Тем временем появился подполковник Никульшин:

– Вы что так хищно обступили новичка? Марш по местам!

Он провел меня в большой кабинет, увешанный картами и самодельными рисунками. Уловив мой интерес, он пояснил:

– Увлекаюсь в свободное время, хотя понимаю, что не Шишкин.

Он пригласил в кабинет одного из своих помощников. Я передал ему все необходимые для оформления документы. В этот же день меня зачислили в штаб воинской части. Затем подполковник ввел в курс предстоящих обязанностей. Они были довольно разнообразными и требовали быстрой реакции на самые неожиданные поручения. В особом отделе я дал подписку о строгом соблюдении режима секретности. Мне предстояло сопровождать подполковника во всех его инспекционных выездах в качестве личного адъютанта.

В этот же день я получил новый комплект военного обмундирования, в которое не мешкая переоделся. Гражданскую одежду аккуратно уложил в вещевой мешок. Во время обеденного перерыва подошел к обворожившей меня незнакомке и представился. Она протянула мне руку и тихим голосом с украинским акцентом произнесла:

– Мое имя Валентина. Фамилия – Корытная. Работаю вольнонаемной в машинописном отделе.

На мое предложение после трудового дня встретиться за пределами территории штаба она, чуть помедлив, ответила утвердительным кивком. У вольнонаемных, в отличие от военнослужащих, был нормированный режим работы. Правда, существовала оговорка. В случае необходимости, в условиях военной обстановки, их могли вызвать в любое время дня и ночи.

Вечером, выйдя за пределы территории штаба, я стал медленно прогуливаться взад и вперед по слегка заснеженной улице. Вскоре показалась Валентина. Я невольно залюбовался ее стройной фигурой в светло-бежевом приталенном пальто. Из-под вязаной шапочки выбивались золотистого цвета волосы, обрамлявшие красивое лицо с большими голубыми глазами. Мы медленно направились в сторону одной из отдаленных окраин города, застроенной небольшими частными домами. В одном из них Валентина проживала вместе с родителями. По дороге, не дожидаясь вопросов, она поведала о своей жизни:

– До сих пор не пойму, что заставило меня незадолго до войны выйти замуж за нелюбимого человека. Я счастливо жила с родителями. Папа – известный в Полтаве краснодеревщик. Он делал на заказ штучную мебель важным партийным работникам. Нас три девочки в семье. Сестры рано повыходили замуж. И мама постоянно намекала, что не стоит засиживаться в девках. А мне не хотелось спешить. Я только-только окончила педагогический техникум. И вдруг появился один военный. Прохода мне не давал. Осыпал подарками. Папе не понравился, а мама стала досаждать, что это моя судьба. Под ее давлением я согласилась. Уехали по месту его службы на Дальний Восток. Первое время было ничего. Даже не любя, стала привыкать. Потом начал пить да еще изменять направо-налево. В пьяном угаре даже руку на меня поднимал. Я его возненавидела. Но деваться было некуда. Началась война. Его отправили на фронт. Вначале приходили покаянные письма. Затем длительное молчание и похоронка. Я два года жила одна-одинешенька в военном городке в страшной глухомани. Хорошо еще, что у нас не было детей. Затем вернулась к родным, возненавидев всех мужиков. Липнут как мухи! А на деле напоминают моего непутевого мужа.

Я понял, что у нее на душе наболело и ей хочется с кем-то поделиться. Но она давно замкнулась в себе. Отсюда сдержанная манера поведения и отсутствие улыбки. В то же время удивила ее откровенность. Осторожно, чтобы не обидеть, задал ей этот вопрос. Она, пожав плечами, ответила:

– Сама не знаю. Какое-то необъяснимое внутреннее чувство доверия. Хотя, может быть, оно окажется обманчивым. Я слишком часто ошибалась в жизни.

Я возразил:

– Не могут быть все одинаковыми и плохими. Могу доказать!

Она ответила моей излюбленной фразой:

– Поживем – увидим.

Какое-то время шли молча. Чтобы продолжить знакомство, я без утайки поведал о себе и своих родителях. Она слушала не перебивая, с большим интересом. Когда я замолк, Валентина сказала:

– Я поражена, сколько всего выпало на вашу долю!

Долгий путь к ее дому показался мне очень коротким. Мы остановились у калитки. Расставаться не хотелось. Но время было позднее, и я понимал, в каком тревожном состоянии находится мама. Мы стали прощаться. Я невольно притянул Валентину к себе. Она мягко отстранилась и мило погрозила пальчиком:

– Не опережай события. Иначе я подумаю, что ты обычный кобель!

Она перешла на «ты». Это уже был шаг вперед. По темным улицам я как можно быстрее ринулся домой. Безлюдье иногда нарушалось запоздалыми встречными. Пошатывающийся мужичок навеселе прохрипел пропитым голосом:

– Дай прикурить, а то невольно! Готов убить за сигарету.

Я бросил на ходу, что некурящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.